National Library of Canada
Bibliothèque nationale du Canada

Canadian Theses Service
Service des thèses canadiennes

Ottawa, Canada
K1A 0N4

NOTICE

The quality of this microform is heavily dependent upon the quality of the original thesis submitted for microfilming. Every effort has been made to ensure the highest quality of reproduction possible.

If pages are missing, contact the university which granted the degree.

Some pages may have indistinct print especially if the original pages were typed with a poor typewriter ribbon or if the university sent us an inferior photocopy.

Previously copyrighted materials (journal articles, published tests, etc.) are not filmed.

Reproduction in full or in part of this microform is governed by the Canadian Copyright Act, R.S.C. 1970, c. C-30.

AVIS

La qualité de cette microforme dépend grandement de la qualité de la thèse soumise au microfilmage. Nous avons tout fait pour assurer une qualité supérieure de reproduction.

S'il manque des pages, veuillez communiquer avec l'université qui a conféré le grade.

La qualité d'impression de certaines pages peut laisser à désirer, surtout si les pages originales ont été dactylographiées à l'aide d'un ruban usé ou si l'université nous a fait parvenir une photocopie de qualité inférieure.

Les documents qui font déjà l'objet d'un droit d'auteur (articles de revue, tests publiés, etc.) ne sont pas microfilmés.

La reproduction, même partielle, de cette microforme est soumise à la Loi canadienne sur le droit d'auteur, SRC 1970, c. C-30.

NL-339 (r. 88/04)

Canada

THE UNIVERSITY OF ALBERTA

RANNIAIA LIUBOVNAIA LIRIKA PUSHKINA

BY

ANNA LINETSKY

A THESIS

SUBMITED TO THE FACULTY OF GRADUATE STUDIES AND RESEARCH IN
PARTIAL FULFILLMENT OF THE REQUIREMENTS FOR THE DEGREE

OF MASTER OF ARTS

in
RUSSIAN LITERATURE

DEPARTMENT OF SLAVIC AND EAST EUROPEAN STUDIES

EDMONTON, ALBERTA

FALL 1987

Permission has been granted to the National Library of Canada to microfilm this thesis and to lend or sell copies of the film.

The author (copyright owner) has reserved other publication rights, and neither the thesis nor extensive extracts from it may be printed or otherwise reproduced without his/her written permission.

L'autorisation a été accordée à la Bibliothèque nationale du Canada de microfilmer cette thèse et de prêter ou de vendre des exemplaires du film.

L'auteur (titulaire du droit d'auteur) se réserve les autres droits de publication; ni la thèse ni de longs extraits de celle-ci ne doivent être imprimés ou autrement reproduits sans son autorisation écrite.

ISBN 0-315-41131-7

THE UNIVERSITY OF ALBERTA

RELEASE FORM

NAME OF AUTHOR: Anna Linetsky

TITLE OF THESIS: Ranniaia liubovnaia lirika Pushkina

DEGREE: Master of Arts

YEAR THIS DEGREE GRANTED: 1987

Permission is hereby granted to THE UNIVERSITY OF ALBERTA LIBRARY to reproduce single copies of this thesis and to lend or sell such copies for private, scholarly or scientific research purposes only.

The author reserves other publication rights, and neither the thesis nor extensive extracts form it may be printed or otherwise reproduced without the author's written permission.

Anna Linetsky

(Student's signature)

8011 - 76 avenue

(Student's permanent address)

Edmonton. T6T 2E9

Date: October 13, 1987

THE UNIVERSITY OF ALBERTA

FACULTY OF GRADUATE STUDIES AND RESEARCH

The undersigned certify that they have read, and recommend to the Faculty of Graduate Studies and Research for acceptance, a thesis entitled RANNIAIA LIUBOVNAIA LIRIKA PUSHKINA submitted by ANNA LINETSKY in partial fulfillment of the requirements for the degree of MASTER OF ARTS in RUSSIAN LITERATURE.

R. L. Busch
Supervisor

Peter A. Rolland

J. Możejko

Date: Oct. 6, 1987

ABSTRACT

This work considers seventeen early love lyrics (1815-1817), and five poems from the eighteen twenties and thirties by Pushkin, with the intent of studying the body of the work in relation to their content. Attention is focused on the style of the poems and their evolution as regards Pushkin's love poetry, from his early love poems through to his later period.

A classification was made of Pushkin's work from his early period, as a result of which the love poetry can be divided into three types:

1) Description of love on the level of natural surroundings.

2) Expression of passionate love.

3) Deliberation on love.

These types are considered below.

By the end of this work it becomes clear that the expression of love in Pushkin's lyric proceeds from a tentative towards a more concrete image. The "I" gradually disappears as Pushkin perfects his language and style.

In order to prove how this happens in a given work, all the works of the poet by period, and all his love poems in a given period are considered. It is established that a percentage relationship shows that more of Pushkin's love poetry was composed in in the earlier period than in other periods, though these later periods were little examined. This study throws light on the earliest development of Pushkin's love lyric.

РЕЗЮМЕ

В этой работе рассмотрено 17 произведений ранней любовной лирики Пушкина (1815 - 1817 гг.) и 5 произведений 1820-30-х годов с целью изучения фактуры произведений, связанной с содержанием. Было уделено внимание исследованию стиля произведений и эволюции, происшедшей в любовной лирике Пушкина, начиная с его ранних любовных произведений до более позднего периода.

Была проделана классификация произведений раннего периода, в результате которой любовные стихотворения разделены на три типа:

1. Описание любви на фоне окружающего мира.
2. Выражение страстной любви.
3. Рассуждения о любви.

В этой последовательности они и были рассмотрены.

В конце работы стало очевидным, что выражение любви в лирике Пушкина шло от условного к более конкретным образам. Постепенно исчезло условное Я, выработался пушкинский язык и стиль.

Для доказательства необходимости данной работы подсчитано количество всех стихотворений по периодам творчества поэта и количество любовных стихотворений в каждом периоде. Установлено, что в процентном отношении в ранний период любовных произведений было написано больше, чем в другие периоды, однако они почти не изучены. Изучение

проливает свет на дальнейшее развитие любовной лирики у Пушкина.

Acknowledgements

I would like to acknowledge the academic assistance of my thesis supervisor, Dr. R.L. Busch for his constant and sympathetic assistance. His substantial learning, his deep and thorough knowledge of the subject and his extreme patience were of great benefit to me.

I would like to make special mention of the invaluable encouragement given by memory of my beloved parents, Mr. Ilya Levner and Mrs. Eva Levner.

ГЛАВЫ СОДЕРЖАНИЕ СТРАНИЦЫ

I. Вступление 1

II. Характеристика трёх периодов лирики Пушкина 30

III. «...Когда пустынная луна текла туманною стезёю...» - Описание любви на фоне природы 37

1. «Окно» 37
2. «К Делии» 39
3. «Письмо к Лиде» 41
4. «К живописцу» 44

IV. «...быстрый обморок любви...» - Страстная любовь 48

1. «Месяц» 48
2. «Делия» 50
3. «К ней» («Эльвина, милый друг...») 53
4. «Желание» 55
5. «Разлука» 57
6. «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...») 60
7. «К молодой вдове» 63

V. «Минувших дней погаснули мечтанья...» - Рассуждения о любви 69

1. «Любовь одна - веселье жизни хладной» 69
2. «К ""» 74
3. «Певец» 75
4. «Элегия («Счастлв, кто в страсти сам себе...») 77
5. «Элегия» («Я думал, что любовь погасла на всегда...») 79
6. «В альбом» 83

VI. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» - Любовь в лирике 20-30-х годов 88
1. «Ненастный день потух...» 88
2. «Мадонна» 91
3. «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» 95
4. «Я помню чудное мгновенье...» 97
5. «Безумных лет угасшее веселье...» 102
VII. Заключение 106

Чушь... От любви надо мосты строить и детей рожать... А вы...

В. Маяковский, «Клоп».

Это - наше всегда! И это - сегодня! А кто что языками мелет - этого не наслушаешься, то ли будет, то ли нет. Любовь - и всё!

А. Солженицын, «Раковый корпус».

I. ВСТУПЛЕНИЕ.

Говорить об отношении пушкинской поэзии к чувству любви и к женщине - значит то же, что говорить о самом правильном, нежном тонком и высоком отношении человека к этому существенному вопросу, отношении столь же чуждом ложного идеализма, выдаваемого за высокое, как и грубого материализма, принимающего различные обольстительные виды.

Ан. Григорьев (22)-17

1(См.«Примечания»)

Тема любви в русской литературе находила своё воплощение в произведениях многих русских поэтов, и каждый из них по-своему освещал эту тему. Чувство грусти о невозвратно прошедшем у Жуковского; жизненная земная любовь, проливающая ровный свет на все оттенки чувств и переживаний поэта, утверждающая счастье жизни, но грустная и печальная, и, начиная с 10-х годов, переходящая в трагедию - у Батюшкова.

В годы, когда поэтическое дарование Жуковского достигло своей вершины, а Батюшков уже выходил из рядов активных деятелей литературы, в русскую поэзию вошёл Пушкин. И никто из поэтов пушкинского периода не выразил с такой силой чистого идеального чувства любви, не раскрыл его красоты и страсти, как это сделал он. Любовная лирика Пушкина - это одна из важнейших областей его творческой жизни, это мир глубоких размышлений и переживаний, процесс напряженных духовных исканий.

Русская поэзия 10-20-х годов характеризовалась значительным расцветом лирики и способствовала формированию Пушкина. Державин, Жуковский, Батюшков создали к этому времени поэтические произведения, в которых раскрылись богатые возможности, таившиеся в русском стихе. Державиным была открыта для русской поэзии сфера частного быта, конкретных проявлений жизни, хотя и ограниченных рамками поэтики классицизма. Жуковский углубил сферу внутренней духовной жизни и субъективности. Батюшков воспел жизненную земную любовь.

Однако, несмотря на важность предмета, русская любовная лирика, отразившая тонкие стороны человеческой души, изучена мало. Даже любовная лирика Пушкина, которая представляет собой явление мирового значения, почти не рассмотрена.

Творческое развитие поэта, его общие художественные достижения, его общественно-политическая, философская и пейзажная лирика обстоятельно изучены. Однако личная (любовная) лирика Пушкина, богатая благородством чувств и

глубиной переживаний, совершенная по формам (здесь мы имем в виду лирику более или менее художественно-самостоятельного Пушкина с 1817-1837 гг.) мало привлекала внимание пушкинистов.

Правда, в 1920-30-х годах были опубликованы работы П. К. Губера(10) в Париже «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина» и Л. М. Сухотина в Белграде «Любовь в русской лирике XIX в.», в которых пушкинская любовная лирика тесно связана с образами, породившими её.

В 1929 г. в Москве была опубликована работа В. Я. Брюсова «Мой Пушкин», осветившая многие аспекты пушкинской любовной лирики, но слишком прикреплённая к биографии поэта. Автор работы рассмотрел стихотворную ритмику, рифму и звукопись пушкинского стиха, остановился на его ранних любовных стихотворениях и подчеркнул мысль о том, что «романтизм имеет в лице Пушкина одного из крупнейших своих представителей».(3)-176

Интересно то, что много работ за последние 20 лет написано о крупных пушкинских произведениях: романах, трагедиях, повестях. Однако, нет ни одной монографии, написанной о любовной лирике поэта, начиная с ювенальной и заканчивая любовными стихотворениями зрелого Пушкина. Советская научная критика обходит этот вопрос молчанием, хотя отдельные статьи по отдельным пушкинским любовным стихотворениям и работы, в которых касались любовной лирики, появились в печати. Останавливаясь на них, следует обратить

внимание на изучение пушкинской любовной лирики и в целом, и в связи с этапами жизни поэта.

Анализ этих работ будет дан в следующем порядке: вначале - обзор литературы, характеризующей всю любовную лирику Пушкина, затем - обзор работ по любовной лирике, относящихся к каждому из периодов творчества поэта. Работы пушкиноведов расположены в зависимости от их значимости - от менее существенных к более значимым.

Небольшая работа Е. Музы(18) «Адресаты лирики Пушкина» (1970 г.) содержит отрывки из отдельных пушкинских любовных стихотворений и посвящений и портреты женщин, образы которых питали любовную лирику поэта. Работа может быть использована широким кругом читателей как иллюстративная, она не содержит никаких научных открытий.

Отдельные заметки о любовной лирике Пушкина есть в статье И. Б. Голуба(6) «О звукописи произведений А. С. Пушкина» (1974 г.), однако автор статьи не преследует цели рассмотрения любовной лирики как темы, он подчеркнул давно установленную истину о единстве слова и образа, основанного на мастерстве Пушкина в организации звуковой речи.

Ежи Фарино в статье «Любовная лирика Пушкина: Семиотический этюд»(23) (1978 г.) изложил положения любовной лирики, связанной с постановкой вопроса о «ты» и «я». Автор исследовал одну из центральных проблем романтизма в поэзии - проблему коммуникации «я - мир», где «я» - некто исключительный, непошлый, а «мир» - либо «всё, что не «я», либо всё, кто не «я». (23)-135. В работе сделан вывод о том, что

в романтической литературе можно легко понять высокую значимость языковых стилистических различий, которые становятся одним из существенных художественных средств этого направления. «Причём включаются не только «языковые» стили (лексика, семантика, синтаксис), но и текстовые различия (иерархия текстов, жанровых конструкций и их смешание). С другой стороны, отказ от «естественного языка» и постулирование нетождественности этого языка искусства приводит к образованию вторичной кодирующей системы: доминантой становится «установка на код». (23)-144

Таким образом, статья Ежи Фарино не рассматривает тему «любовная лирика», а даёт установку на взаимоотношение «ты» и «я» в отдельных произведениях Пушкина о любви.

В. П. Городецкий в работе «Лирика Пушкина»(7) (1974 г.) рассмотрел лирику поэта в связи с периодами жизни и творчества Пушкина, и внутри каждого периода уделяет очень незначительное внимание отдельным любовным стихотворениям. Из стихотворений ранней любовной лирики автор охарактеризовал произведение «К ней» («Эльвина, милый друг...»),(7)-31 связав его с образом Екатерины Бакуниной. Говоря о ранней лирике поэта, автор подчеркнул мысль о создании «пушкинской поэзии лицейского братства» (7)- 34, т.е. в его работе вообще не существует такого раздела, как ранняя любовная лирика. Таким образом, исследуя лирику Пушкина, Городецкий, очень мало внимания уделяет любовной лирике поэта в целом, и совсем незначительное место - её раннему периоду.

П. Л. Степанов(21) в своей работе «Лирика Пушкина» (1974 г.) рассмотрел вопросы о жанре и стиле пушкинской лирики, указывая на реализм последней (стр. 14-15 и 40-41). Что касается ранней любовной лирики поэта, то ей отведено очень небольшое место (стр. 258-265) в статье «Лицейская лирика» (стр. 233-265), одноимённой работы, причём автор пишет: «Среди лицейских стихов выделяется ряд стихотворений о юношеской влюблённости поэта, о пробуждении первого чувства» (стр. 258), т.е. автор не выделяет раннюю любовную лирику как отдельную тему в общем разделе любовной лирики Пушкина, хотя отдельные стихотворения любовной лирики раннего периода были упомянуты («Желание», «Разлука», «Любовь одна - веселье жизни хладной» (1816 г.).

Подводя итог, П. Л. Степанов говорит об условности лицейской лирики поэта и вместе с тем о её гармоничности и своеобразии: «Печать условности, не лишает пушкинскую лирику этих лет своеобразия и проявления в ней личности автора, правда личность автора выступает здесь в качестве условного лирического героя». (21)-264

Любовной лирике 1820-30-х годов пушкиноведы уделили больше внимания.

Исследованию отдельных произведений этого периода посвящена работа А. Гессена(5) «Рифма, звучная подруга» (1963 г.). Книга рассказывает о жизни и творчестве Пушкина, в ней говорится об истории создания некоторых произведений, о взаимоотношениях поэта с современниками, о быте и характере эпохи. (Книга рассчитана на широкие круги читателей). Из

любовных произведений автор уделяет внимание пушкинскому стихотворению 20 - х годов «Чёрная шаль» (стр. 98-103), рассмотрев которое, автор указывает на связь Пушкина с молдавской культурой, на интерес поэта к народным песням, преданиям и сказаниям, под впечатлением которых и было написано произведение, переложенное позже композитором А. Н. Верстовским на музыку и ставшее народной песней.

В этот же период написано несколько статей о пушкинской элегии.

В статье «Образец романтической любовной лирики» («Талисман» А. С. Пушкина») под редакцией Н. И. Кравцова(17) (1974 г.) автор отмечает: «Любовная лирика Пушкина возвышается на фоне интимной лирики 20-30-х гг. XIX века, хотя это был период значительного обогащения и обновления интимной лирики» (стр. 57). Автор раскрыл стихотворение «Талисман» как произведение романтической любовной поэзии на фоне последовательного рассмотрения особенностей романтической поэзии 20 - х годов, отметив такие черты романтизма как элегическое начало, выражение «желаемого» в произведениях, которые были характерны для поэзии Жуковского и его последователей, а так же черты сентиментализма и личные темы, свойственные лирике тех лет. Автор сделал вывод о том, что в стихотворении «Талисман» видна романтическая сущность, выражающаяся в картинах южной и восточной природы, и быта, в образе волшебницы, в теме талисмана и в своеобразной системе выразительно- изобразительных средств (стихотворение начинается характерным словом «там»; присутствует образ

волшебницы, которая вручает сверхъестественное средство «талисман»; важным средством служат эпитеты «вечно», «теплее», «таинственный», «грозный», «печальные», «чуждые»; большое значение имеет ритмико- интонационный строй, который подкрепляется звуковой стороной речи; темп речи замедленный, в ней много пауз).

Статья «Об эволюции пушкинской элегии» К. Н. Григорьяна(10), напечатанная в журнале «Вопросы русской литературы» (1974 г.), посвящена изучению элегии как жанра. Автор статьи рассмотрел элегии 20 - х годов А. А. Ржевского (1737-1804 гг.) и М. П. Попова (1742-1790 гг.) и отметил обычный круг мотивов: разлука, воспоминание о минувшем счастье, томление любви, жалобы на «жестокий рок». В работе подчёркнута роль Жуковского как представителя романтизма и даётся анализ элегии Пушкина «Ненастный день потух...» и «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (1823 г.). К. Н. Григорьян подчеркнул мысль о связи пушкинской элегии с поэтическим созерцанием природы и указал на то, что в этих элегиях раскрывается многогранная и гармоничная личность автора.

Несколько статей, написанных в последние годы о стихотворении «К...» («Я помню чудное мгновенье»), вышло из - под пера критиков в Советском Союзе и на Западе.

Статья И. А. Ионовой(16) «Хранитель, гений мой» (1983 г.) уделяет внимание только языку этого стихотворения. Автор говорит о языковых средствах создания образности, заключающихся в словаре произведения, создающем эмоциональный фон. Рассмотрев и дав объяснение словам

«чудное», «явилась», «гений», «божество» и др., т.е. отметив особенности лексического состава, И. А. Ионова обратила внимание на отражение этого словаря в переводе, сделанном украинским поэтом В. Сосюрой. Она приходит к выводу о том, что концепция слов религиозной тематики не сообщает стихотворению ни малейшего оттенка религиозности.

Работа П. Л. Степанова(21)-292 «Гений чистой красоты» (1973 г.) изложила историю создания стихотворения и подчёркнула ту же мысль, что и другие работы, посвящённые этому произведению: волнение страсти и целомудренное восхищение, горькое раздумье и успокоение, радость творческого вдохновения.

Стихотворение «К...» рассмотрел А. Гуревич(13)-259-266 в статье «Проблема нравственного идеала в лирике Пушкина» (1969 г.). Автор говорит о перевороте, совершённом Пушкиным, состоявшем в соединении идеала и действительности. Он доказал мысль о значении интенсивных, но кратковременных реакций поэта на окружающее, мгновенных вспышек чувств, когда душа Пушкина освобождалась от плена повседневности и вбирала в себя всю полноту жизни.

М. М. Гиршман(11)-11-18 в статье «Три чудных мгновения» (1969 г.) исследовал не только само стихотворение, но и человеческие переживания как предмет лирики. Рассмотрев произведение, автор пришёл к выводу о том, что в стихотворной структуре создаётся своеобразная форма целостного лирического переживания.

Статья J. Tomas Shaw(27)-135-144, <<Theme and imagery in Pushkin's <<Ja pomnju chudnoe mgnovenie>>, в которой автор детально рассматривает стихотворение, его поэтичность, романтизм и показывает связь с биографией поэта. Большое внимание в этой работе уделено звуковой оркестровке. Томас Шау подчеркнул мысль о воскрешении чуда, которое было так характерно для поэзии романтизма.

Отдельные работы написаны о стихотворении «Я вас любил...».

С. А. Фомичев(24) в работе «О лирике Пушкина» (1974 г.) исследовал вопрос развития лирической темы стихотворения «Я вас любил...», построенный на отрицании. Автор почеркнул главную мысль стихотворения о просветлённой надежде на счастье любимого человека, сливающуюся с гармоническим миром, который не должен быть враждебен к любимой. И в таком восприятии мира С. А. Фомичев усмотрел особую ранимость души поэта.

В статье Walter N. Vickery (4) <<Ja vas ljubil... A Literary Source>> (1972 г.) было уделено внимание прообразу этого стихотворения и истории его создания. Автор утверждает, что прообразом стихотворения явилась Каролина Собаньская 2.

А. К. Жолковский(14)-252-263 в работе <<Разбор стихотворения Пушкина «Я вас любил» (1970 г.) рассмотрел последнее как яркий образец любовной лирики, в котором излагается драма несчастной любви. Автор отметил многие аспекты произведения: композицию, решение темы, кульминационную напряжённость. Он обратил внимание на

прямоту и на косвенность изложения, утверждая, что лейтмотивная фраза «Я вас любил» содержит прообраз обоих полюсов темы «страсть - бесстрастие».

Из статей, написанных о любовных произведениях Пушкина 30 -х годов можно отметить стихотворение «Мадонна» (1830 г.).

В статье «Мадонна», написанной А. Гессеным,(5) дана история создания стихотворения. Автор сделал попытку доказать, какая Мадонна стала прообразом пушкинской, однако, выводов никаких нет.

Привлекла внимание пушкинистов элегия «Безумных лет угасшее веселье...» (1830 г.).

В. Порудоминский и Н. Эйдельман(20) рассматривали элегию в ряде других произведений, написанных Пушкиным в Болдино, в статье «Болдинская осень», в их работе нет никаких выводов, относящихся к элегии или к любовной теме в ней.

Л. Г. Фризман(26) в книге «Жизнь лирического жанра» (1973 г.) уделил большое внимание развитию элегического жанра в целом и в качестве иллюстрации приводит произведение «Безумных лет угасшее веселье...», которое Пушкин причислил к элегиям в числе названных им шести элегий («Счастлив, кто в страсти сам себе», «Я видел смерть; она в молчаньи села», «Я думал, что любовь погасла навсегда», «Опять я ваш, о юные друзья», «Воспоминаньем упоенный»). О любовной тематике в элегиях автор не упоминает.

Об этом произведении писала В. Плотникова(19) в одноимённой статье. Она пришла к заключению, что конкретная ситуация стиха - размышление о прошедшем, настоящем и

будущем превращается в драматическое повествование - обобщение.

Г. М. Фридлендер(25) посвятил элегии отдельную работу в сборнике «Поэтический строй русской лирики» (1973 г.), указывая на редкую гармонию содержания и формы произведения.

Из этого перечня работ видно, что темой любовная лирика Пушкина занимались недостаточно, а ранняя любовная лирика поэта почти совсем не изучена.

Вопрос, почему советские пушкиноведы оставили значительный раздел пушкинской лирики без внимания, можно понять, указывая на следующее.

Во-первых, интимные отношения между мужчиной и женщиной скорее оставались в тени в русской литературной критике. Иными словами, по традиции об этом мало пишут. Пишут только о «важном», т.е. - о гражданском.

Во-вторых, для советского литературоведения Пушкин вошёл в русскую литературу как поэт-новатор и реформатор, реалист, основоположник русского языка и литературы, пионер, проложивший «новые дороги в девственном лесу»,(3)-61 поэт-гражданин и декабрист, которому, разумеется, не было дела до любви. Этот гражданский и во многом пуританский взгляд на Пушкина не может сочетаться с образом другого Пушкина, Пушкина-человека, которому были свойственны любовные радости и наслаждения.

В-третьих, попытка Л. И. Тимофеева в работе «Теория литературы»(3') (1949 г.), предложившего различать жанры лирики по тематическому признаку, не получила поддержки, и так, тема

«любовная лирика» как отдельная часть в общей лирике Пушкина не существует для советских пушкиноведов.

Исследуя лирические произведения поэта, напечатанные в 1-ом и во 2-ом томах издания АН СССР за 1937 год (схема приложена), было насчитано 781 стихотворение, из них около 109-ти, посвящены любви частично или полностью, что составляет 12,6% от общего количества стихотворений, причём, полностью о любви - 52 (6,6%), и только частично - 57 (6%).

Рассматривая стихотворения Пушкина по периодам творчества видно, что в ранний период (1813-1817 гг.) Пушкиным было написано 155 стихотворений, из которых 46 посвящено любви, что составило 33%. Из 46 произведений 17 - посвящены любви полностью (11%) и 29 - частично (22%).

Поэзия конца 10-х и 20-х годов, охватившая самый большой период творчества поэта (1818-1829 гг.); насчитывает 485 стихотворений, из которых о любви написано 51 произведение, что составило 10% от общего количества, где 26 стихотворений полностью о любви (5,3%), а 25 - частично (4,7%).

И в последний, самый короткий период жизни и творчества поэта (1830-1836 гг.), Пушкиным было написано 140 стихотворений, из которых о любви - 12, составляющих 8,5%, из них полностью о любви - 9 (6,5%) и 3 (2%) - частично. (К произведениям, написанным частично о любви относятся послания, переводы, подражания и др.)

Количеству стихотворений, указанных в схеме, соответствует следующий их состав по годам (все подчёркнутые стихотворения с установкой на любовь):

Стихотворения,
охватывающие всю лирику А. С. Пушкина (1813-1836 гг.) Общее — количество по годам, количество стихотворений полностью и частично, посвящённых любви, и их процентное отношение к общему количеству.

Годы	Общее кол-во стихотв.	Любовн. стих. Из них:			% к кол-ву стих.		
		Всего о любви	Полн.	Част.	Всего о любви	Полн.	Част.
1813	2	2	-	2			
1814	30	11	-	11			
1815	29	7	2	5			
1816	34	14	8	6			
1817	35	8	5	3			
1814-1817	25	4	2	2			
1813-1817	155	46	17	29	33%	11%	22%
1818	23	6	1	5			
1819	46	4	1	3			
1820	22	8	4	4			
1821	55	7	2	5			
1822	36	1	1	-			
1823	23	4	2	2			
1824	57	7	6	1			
1825	61		2	-			
1826	21	2	1	-			
1827	33	1	1	1			
1828	54	2	3	2			
1829	54	5	2	2			
		4					
1818-1829	485	51	26	25	10%	5,3%	4,7%
1830	50	7	6	1			
1831	12	1	1	-			
1832	11	2	-	2			
1833	20	1	1	-			
1834	4	-	-	-			
1835	27	1	1	-			
1836	16	-	-	-			
1830-1836	140	12	9	3	8,5%	6,5%	2%
1813-1836	781	109	52	57	12,6%	6,6%	6%

1813 год

«Послание к Наталье», «Монах».

1814 год

«Кольна», «Старик», «Рассудок и любовь», «Опытность», «Блаженство», «К Наташе», «К Батюшкову», «Красавица, которая нюхала табак», «Эвлега», «Оскар», «Леда».

1815 год

«Измены», «Послание молодой актрисе», «К ней («Эльвина, милый друг...»)», «Итак, я счастлив был...», «Слеза», «Послание к Юдину», «К живописцу».

1816 год

«Окно», «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»), «Месяц», «Певец», «Слово милой», «Осеннее утро», «Разлука», «Любовь одна - веселье жизни хладной», «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Наслажденье», «Послание Лиде», «Пробужденье».

1817 год

«К молодой вдове», «Письмо к Лиде», «Князю А. М. Горчакову», «В альбом», «Кюхельбекеру», «К***» («Не спрашивай, зачем унылой думой...»), «Торжество Вакха», «К ней» («В печальной праздности...»).

1814-1817 годы

«К Делии», «Делия», «Сновидение», «Фавн и пастушка».

1818 год

«Как сладостно!..», «И я слыхал, что божий свет...», «Прелестнице», «Мечтателю», «Юрьеву», «Выздоровление».

1819 год

«К Лиле», «Всеволожскому», «Русалка», «Платоническая любовь».

1820 год

«Дорида», «Дориде», «Мне вас не жаль, года весны моей...», «Увы, зачем она блистает...», «К*** («Зачем безвременную скуку...»), «Погасло дневное светило...», «Черная шаль», «Нереида».

1821 год

«Я пережил свои желанья...», «Красы Лаис...», «Наперсница волшебной старины», «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...», «Дионея», «Умолкну скоро я...», «В твою светлицу, друг мой нежный...»

1822 год

«Гречанке» («Ты рождена воспламенять воображение поэтов...»

1823 год

«Ночь», «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Кн. М. А. Голицыной», «Как наше сердце своенравно...».

1824 год

«Пускай увенчанный любовью красоты...», «Ты вянешь и молчишь...», «Признание» («К А. И. Осиповой»), «Сожжённое письмо», «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...», «Всё кончено: меж нами связи нет...», «Иностранка».

1825 год

«Желание славы», «К А. П. Керн».

1826 год

«Под небом голубым страны своей родной...»

1827 год

«Соловей и роза», «Талисман».

1828 год

«Увы! язык любви болтливый...», «Ты и вы», «Счастлив, кто избран своенравно...», «Предчувствие», « Её глаза».

1829 год

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Я вас любил: любовь ещё быть может...», «Калмычке», «Ел. Н. Ушаковой».

1830 год

«Что в имени тебе моёмЧ», «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...», «Мадонна», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), «В последний раз твой образ милый...», «Заклинание».

1831 год

«Когда в объятия мои...»

1832 год

«Красавица», «К***» («Нет, нет не должен я,

не смею, не могу...»).

1833 год

«Когда б не смутное влеченье...»

1835 год

«Я думал, сердце позабыло...»

Из этих наблюдений становится очевидным, что в процентном отношении в ранний период творчества написано большее количество любовных стихотворений, чем в другие периоды, а изучены они недостаточно, научных работ о них почти нет, а те что написаны и указаны в этой работе не рассматривают всех произведений этого периода. Рассмотрев количественное соотношение пушкинской любовной лирики по отношению к общему количеству стихотворений поэта, становится ясно, что удельный вес любовной лирики значителен. И, если Пушкина нельзя назвать только певцом любви, надо отметить тот факт, что его любовная лирика «принадлежит к разряду самых высоких свершений русской поэзии».(8)-89

Пушкин писал о любви, начиная со своих ранних стихотворений. Этот вопрос волновал его, будил желания, вдохновлял. Перечитывая произведения Пушкина о любви, останавливаясь на адресатах его стихотворений, читатель становится непосредственным участником и сопереживателем событий, которые происходили около 150 лет назад. Но свежи

ещё и сейчас, они волнуют нас своей динамикой, искренностью и задушевностью.

И Пушкин-лицеист, и Пушкин-зрелого возраста возвращается к этой теме вновь и вновь и не только в лирике 3.

Почему же этот вопрос волновал поэта? Почему он обратился к этой теме? Есть ли связь между жизнью и его произведениями? Ответ на этот вопрос можно найти в биографии поэта.

Годы учёбы, проведённые в Лицее, не прошли бесследно. Царское село для Пушкина оказалось не просто географической точкой и фокусом воспоминаний о днях юности. Это тот круг впечатлений, который оказал влияние на всё творчество поэта. Царские дворцы и залы, созданные творчеством и искусством Растрелли, Камерона, Кваренги, парки, составляющие неповторимый ансамбль, сочетались со скульптурой Царского Села, т.е. сама обстановка позаботилась о формировании эстетического чувства мальчика.

Здесь он познакомился с античной литературой. Гармоничный мир древне-греческой культуры был воспринят им и через французскую литературу. Пушкин высоко ценил поэтов французского классицизма - Расина, Вольтера, Лафонтена, Парни. Он изучал корифеев мировой лирической поэзии - Горация, Петрарку, Гёте. Читал произведения так называемого шотландского барда III века Оссиана. Ранние любовные произведения Пушкина были написаны под их влиянием. В вариантах и комментариях к I тому Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (1837-1937 гг.) (стр. 653-655) указывается, что среди таковых произведений

можно отметить стихотворение «Монах» (1813 г.), влияние на написание которого было оказано произведением Вольтера «Эмиль»; «Послание к Наталье» (1813 г.) было создано под впечатлением произведения Бомарше «Севильский цирюльник»; стихотворение «Оскар» (1814 г.) Пушкин написал под впечатлением макферсоновского Оссиана и поэмы Парни4 «Иснель и Аслега»; Стихотворение «Кольна» (1814 г.) явилось переложением в стихи, сделанного Костровым прозаического перевода поэмы Оссиана «Кольна Дона».

«Устанавливая связь произведений Пушкина с его предшественниками-представителями зарубежной литературы, не надо забывать и о роли русских поэтов Державина, Жуковского, Батюшкова, творчество которых оказало влияние на поэта, на что было указано в начале работы (стр.7).

Поэзия, представителем которой явился молодой поэт, представляла для него образчики любви троякого рода, которым соответствовали три направления в лирике тех времён.

1. Беззаботное и весёлое наслаждение жизнью, со всеми её чувственными радостями. К этому аспекту любви относилась условная пасторальная и мифологическая поэзия псевдоклассицизма, отразившаяся в стихотворениях «Послание к Натальи», «Монах» (1813 г.), «Рассудок и любовь», «Блаженство» (1814 г.), «Леда», «Измены» (1815 г.) и другие.

2. Грустное уныние, в котором была скрыта своя особая сладость, нашедшая воплощение в мелонхолической эротике таких произведений, как «Кольна», «Эвлега» (1814 г.), «К ней» (1815 г.).

3. Мучительная и жестокая страсть. Об этом аспекте любви поётся в стихотворении «Любовь одна - веселье жизни хладной» (1816 г.).

И, конечно, одним из главных и существенных факторов являлся эротизм самого поэта. Тонкая и удивительно влюбчивая душа мальчика Пушкина, Пушкина-лицеиста очень быстро и образно откликалась на все события, происходящие вокруг.

Детские танцевальные вечера устраивались в Москве у Трубецких, Бутуриных, Сушковых, а по вечерам давались балы у танцмейстера Йогиля. Здесь десятилетний мальчик Александр Пушкин увлёкся ещё более юной Сонечкой Сушковой, которую через шесть лет вспомнил в «Послании к Юдину» (1815 г.):

Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая *** I-137 5

В те годы, когда Пушкин был ещё неопытным юнцом, **пакостным** романом <<Par excellence>> считались «Опасные связи» Шодерло де Лакло, произведение утонченное и блестящее, классический компендиум любовной науки, которая низводила отношения между мужчиной и женщиной до степени обдуманной и подчас довольно жестокой игры, с льстивым мадригалом в начале и ядовитой эпиграммой в конце. Пушкин усердно внимал урокам этой науки, но удовлетвориться ею одной не мог и не хотел.

Поэт много раз влюблялся и умел выразить свои чувства в стихах. Внешне Пушкин был очень некрасив, он сам себя называл обезьяной, но несмотря на это, пользовался большим успехом у женщин. В послании к лейб-улану Ф. Ф. Юрьеву (1818 г.) он утешает себя:

А я повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощённый в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний. I-236

«Бешенство желаний», несомненно было ему хорошо знакомо. Но что касается до не ведения мук любви, то он сказал умышленную неправду, которую сам постоянно опровергал.

О повышенной эротической чувственности и отзывчивости Пушкина говорили многие отзывы современников. Он был пристрастен к женской красоте. При встречах с женщинами Пушкин немедленно загорался. У него господствовали две стихии - удовлетворение чувственным страстям и поэзия. И в обеих он ушёл далеко. О склонности Пушкина к любви писал Губер: «Пушкин был одарен в любви значительно выше среднего человеческого уровня. Он был гениален в любви быть может не меньше, чем в поэзии».(12)-20-21.

Осенью 1826 года, только что прощенный Николаем I, он из своего Михайловского уединения попадает в Москву. Здесь на его пути встречается хрупкая, миниатюрная красавица С. Ф.

Пушкина, его дальная родственница. Он был ей представлен, тут же влюбился и решил немедленно жениться. Ему понадобилось всего несколько дней, чтобы решиться на такой важный шаг.

Стремительно и бурно налетела на него любовь к Наталье Гончаровой. Жене друга, княгине В. Ф. Вяземской поэт сказал в шутку: «Natalie моя 113-ая любовь». Сам он вспоминал: «Более или менее я был влюблён во всех хорошеньких женщин, которых знал. Все они изрядно надо мной посмеялись. Все за одним единственным исключением кокетничали со мной».(12)-25

П. К. Губер так охарактеризовал природу любви у Пушкина:

> «В пушкинской биографии можно наблюдать совершенно разнообразные типы любви - от случайного каприза до мучительной страсти, от грубой телесной похоти до воздушной, романтической грёзы, которая довлеет сама себе и остаётся неизвестной даже любимому предмету».(12)-26

Можно считать, что почти все любовные переживания, желания, радости и разочарования нашли отражение в его любовной лирике, которая является одним из замечательных звеньев пушкинской поэзии. Поэт раскрывает не только свои интимные переживания, но и то, как эти переживания влияют на его поэзию. Сила любви настолько мощно захватывала Пушкина, что он весь надолго оставался в её власти. Но утихали страсти, проходила любовь, и...«тёмный ум прояснялся» и «являлась

муза», т.е. творческие силы поэта становились сильнее его любовных привязанностей. С одной стороны любовь мешала Пушкину в создании новых произведений, с другой - без любви, без эмоций и страданий не могли быть созданы его произведения.

О возможной связи любви и творчества Пушкина можно судить по словам автора в романе «Евгений Онегин»:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед.
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем.
Но я, любя, был глуп и нем.

И далее:

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился тёмный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувст и дум.
Пишу и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует
Близ неоконченных стихов-
Ни женских ножек, ни голов,
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я всё грущу, но слёз уж нет,

И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет.
Тогда то я начну писать...

«Е. О», гл.1., LVIII, LIX

Мнения учёных-пушкиноведов расходятся. Одни утверждают, что муза овладевала Пушкиным, когда он влюблялся. Другие доказывают, что, пройдя сквозь любовные страдания, пережив всё, спустя некоторое время, он писал о своих чувствах.

Например, Л. М. Сухотин в своей работе «Любовь в русской лирике XIX века», анализируя процесс возникновения любовных стихотворений писал, что любовные стихотворения у Пушкина возникали и «с уходом в мир светлых приведений» и как скоро проходила «безумная тревога любви».(22)- 7-9.

С другой стороны, профессор М. Л. Гофман(9) в работе «Пушкин-Дон-Жуан» использует воспоминания М. Н. Раевской-Волконской, с которой поэт встречался в 1820 г., когда будущей княгине было всего 15 лет.

> «Завидев море, мы приказали остановиться, и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и не подозревая, что поэт шёл за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нея. Пушкин нашёл, что эта картина была очень грациозна, и поэтизируя детскую шалость, написал стихи»: (9)-48

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурною чередою
С любовью лечь к её ногам.
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами.

«Е. О.», гл. I,
XXXIII.

Эти воспоминания помогают убедиться в том, что в некоторых случаях реакция поэта была мгновенной.

Как бы там ни было, но Пушкин умел описать в своих стихах самые тонкие нюансы любви, самые тонкие переживания.

Адресаты его лирики известны только частично: Сонечка Сушкова, которой были посвящены стихи в «Послании к Юдину», говорящие о ранней любви, вспыхнувшей в душе поэта.

22 стихотворения посвятил Пушкин Екатерине Бакуниной[6] - это целая энциклопедия его первой и неразделённой любви, среди них такие, как «Итак, я счастлив был, итак я наслаждался» (1815 г.), «К живописцу» (1815 г.), «Окно», «Месяц», «Разлука», «Наслажденье» (1816 г.) и другие.

Пушкин был страстно увлечён Елизаветой Воронцовой[7], женщиной умной, тонкой и обольстительной. Ей были посвящены стихи «Ненастный день потух», «Сожжённое письмо» (1824 г.), «Желание славы» (1825 г.), «Талисман» и «Ангел» (1827 г.)

Увлечение Амалией Ризнич послужило темой написания таких стихотворений, как «Ночь», «Простишь ли мне ревнивые мечты» (1823 г.), «Всё кончено: меж нами связи нет»,

«Иностранке» (1824 г.), «Под небом голобым страны своей родной» (1826 г.).

Анна Керн, знакомая Пушкина по Петербургу, где поэт впервые увидел её в доме А. Н. Оленина, а затем встречался с ней в годы михайловского заточения, в «печальной деревенской глуши», произвела, по признанию Пушкина, «впечатление глубокое и мучительное». Этой встрече мы обязаны одним из лучших лирических творений поэта «К***» («Я помню чудное мгновенье») (1825 г.).

Анна Оленина - знакомая поэта, в альбом которой Пушкин записал одно из лирических признаний - стихотворение «(Увы! язык любви болтливый...». Ей же были посвящены произведения «Ты и вы» (1828 г.) и «Я вас любил...» (1829 г.).

Наталья Гончарова - жена поэта. Впервые Пушкин увидел её зимой 1828 г. на одном из московских балов. История сватовства поэта, весь предсвадебный период наполнены неуверенностью, сомнениями, тревогой. Это последняя глубокая и нежная любовь поэта. «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете - а душу твою люблю ещё более твоего лица», - писал Пушкин в письме к жене. К ней были обращены стихотворения «Мадонна» (1830 г.) и «Когда в объятия мои...» (1831 г.).

С предыдущими женщинами связаны те образы, которые вызывали у Пушкина возвышенные чувства любви, радости, восторгов, находившие отражение в его любовной лирике. Однако содержание лирического произведения - это не только воспроизведение в поэтической форме индивидуального и

неповторимого чувства поэта, владеющего им в момент творчества. Городецкий, может быть, чересчур отдавая дань советским предубеждениям против чистого лиризма, пишет о том, что Пушкин, работая над своими набросками, «устранял всё слишком личное и интимное. Это свидетельствует о том, что подлинная лирика является не простым воспроизведением индивидуальных переживаний поэта, но очень сложным их обобщением и воспроизведением в степень типичности».(7)-4 Личные переживания поэта при этом подвергаются поэтическому оформлению, они подчиняются литературной традиции, влиянию времени и другим форма-образующим факторам.

Понимание лиризма как излияния чувст человека и лирической поэзии как художественного воплощения этих чувств в поэтическом произведении было общепринятым и в западноевропейской, и в русской поэзии конца XVIII и начала XIX века. Лирика - это тот род поэзии, в котором с наибольшей полнотой раскрывается внутренний мир человека, сфера его душевной жизни. Именно поэтому Пушкин и обратился к лирике. «Возникшее в Древней Греции, это понятие служило для определения произведений, которые пелись под аккомпонемент лиры. В результате эволюции понятие «лирика» превратилось в средство обозначения поэтических произведений, окрашенных личными чувствами поэта. «Лиризм» как лирическое начало пронизывает поэтическое творчество вообще и в самом

непосредственном виде проявляется в небольшом по объёму стихотворении».(7)-3

Советские литературоведы считали и считают, что подлинное лирическое произведение должно быть обобщением и выражением чувств и переживаний некоего абстрактного лица, а не исповедью одного человека. Только тогда оно истинно художественно. Возникает вопрос: «Почему любовные чувства, переживания, страдания не обобщают в будничной жизни? Почему любой мужчина или женщина склонны выразить свои чувства только предмету своей любви, только тому, к кому эти чувства обращены?» Было бы смешно, и более того грустно и больно, если бы влюблённый юноша обобщил свои личные и ещё чьи-то чувства и передал это обобщение от имени нескольких мужчин той, которую он любит или хочет сделать спутницей своей жизни. Почему поэт не может выразить свои собственные чувства и переживания, не обобщив их, не сделав их предметом типичности? Каждый любит по-своему, субъективно, каждый по-своему передаёт и выражает свои чувства. Тем более, если рассматривать такую романтическую, т.е. глубоко индивидуальную натуру, какой был Пушкин. Понятно, что его чувства были выражены в стихах, что форма передачи их (этих чувств), излияний была изменена, но содержание этих чувств оставалось почти тем же. На первых порах лирические излияния в пушкинских произведениях подвергались влиянию его учителей, и той литературы, которую читал молодой поэт, но это были его, пушкинские, личные чувства, переживания и

страдания, вызванные теми женщинами, в которых влюблялся молодой поэт.

В. В. Виноградов(1') в «Комментарии» к своей работе «О языке художественной прозы» высказал свой взгляд на лирику:

> «Лирика являет такую форму художественного творчества, с которой не могла справиться история литературы, отказавшись от своих прав на неё во имя стилистики. В самом деле, исследуя лирический стих, современный представитель науки о литературе, если он не гарцует на социоло гическом коньке, принуждён ограничить свой кругозор вопросами о символике и ритмико- мелодической композиции лирических жанров в их историческом движении. Все эти проблемы укладываются в рамки стилистики как науки, Правда, остаётся непотревоженной тематика. Но именно в лирике особенно тесна связанность её с семантикой».

Рассматривая раннюю любовную пушкинскую лирику, мы убедимся в том, что вопросы символики и семантики взаимосвязаны. Тематика ранних любовных пушкинских стихотворений тесно связана с их стилем, который в свою очередь (стиль) связан с жанром, обусловленным эпохой, и с центром, вокруг которого развиваются события. Этим центром является проблема героя или лирического Я в произведении.

Эти вопросы можно рассмотреть глубже, исследуя любовную лирику Пушкина по периодам. Выделив три основных периода:

1. Ювенальную любовную лирику.
2. Любовную лирику 1818- 20-х годов.
3. Любовную лирику 30-х годов.

При этом надо отметить, что между ними нельзя провести точной границы, и в общей сложности, каждый из периодов имеет свои собственные черты. Об этом будет идти речь в следующей главе.

II. ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДОВ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ.

Любовная лирика ювенального периода характеризуется следующими чертами:

1. «Своеобразие пушкинской ювенальной лирики в том, что молодой поэт в этот период (1813-1817 гг.) идёт скорее не от жизни, а от книжного, условно-поэтического восприятия действительности.»(19)-234 Как правило, образы его произведений лишены конкретно - индивидуального значения, точной предметной прикреплённости. Они являются эмблемами и условными знаками понятий и явлений и ограничены кругом условно-поэтической образности и традиционного словаря Жуковского, Батюшкова и др. Устойчивым образом ювенальной любовной лирики является образ лиры.

2. Стихи этого периода воссоздают условный образ лирического героя. Это смиренный «отшельник» или «монах» в уединённой «келье», или легкомысленный эпикуриец, беззаботно растрачивающий свою молодость. Эти лирические маски быстро и легко сменяются. Они - литературный грим. В. В. Виноградов(1') в «Комментарии» к своей работе «О языке художественной прозы» (1980 г.) пишет, что в лирике встречается традиционная условность лирического героя и вместе с тем читатель сталкивается с образом лирического Я, т.е. существует проблема героя в лирическом стихе. «Я - это фокус, в котором сходятся нити историко-литературного стиха» (стр. 341). По своей конструкции оно состоит из нескольких

частей: Я, в котором отражается историко-литературная интерпритация, Я - куда влекутся рассеянные лучи лирических эмоций и Я - изменчивый образ, скрывающий в одной форме своей многозначности образы разных героев. Я лирическое и Я психологическое (авторское) - это омонимы. Всё это можно встретить в пушкинской ранней любовной лирике. Иногда поэт, желая видеть в себе откровенного человека, раскрывал перед публикой своё личное Я, и переносил свои личные переживания на своих героев, ещё более драматизируя своего героя.

Н. И. Степанов в статье «Образ автора в лирике Пушкина» пишет, что с одной стороны не должно быть «формалистического» понимания «лирического героя» как чего-то противостоящего автору и обладающего полной самостоятельностью.

Но с другой стороны следует отказаться и от «наивного биографизма» в понимании истолкования авторской личности как точного изображения жизни поэта в его лирике. Личность автора в лирическом стихотворении выступает как поэтический образ, как - «художественное обобщение, а не только как биографическое изображение самого поэта».(21)-97 В этом можно будет убедиться на примере пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», рассмотренного в VI главе.

3. В русской лирике того периода преобладала тема грусти. И, хотя в настроениях юного поэта и в его лирике в целом в первое время можно было встретить настроения, навеянные весёлой беззаботной музой (это относится к его эпикурейским

мотивам), однако грусть всегда была спутницей пушкинской любовной лирики. С конца 1815 г. всё отчётливее начинает звучать в его лирике тема грустных мечтаний («К ней» и «Эльвина, милый друг...» (1815г.). «С первого раза заметно», - писал Белинский,-«что грусть более к лицу музе Пушкина, более родственна ей, чем весёлая и шаловливая шутливость». С 1816 г. грустные мотивы усиливаются («Элегия», «Счастлив, кто в страсти..», «Разлука», «Певец» и другие). Элегическая настроенность приобретает преобладающее значение в любовной лирике Пушкина 1816-1817 гг. Одновременно в этом сказались литературные традиции эпохи сентиментализма, влияние Карамзина, Батюшкова и Жуковского. Элегия для Пушкина была наиболее удобной формой выражения собственных дум и переживаний. Он не стеснял себя каким-либо каноном, охватывая круг самых разнообразных тем.

Элегия, как и другие жанры, потеряла у Пушкина свою жанровую замкнутость, сохраняя лишь общий характер этого жанра. Элегия - жанр, проходящий через всё творчество поэта. Она явилась вершиной развития «грустного рода» поэзии в России. В. Г. Белинский определил элегию как «песню грустного содержания». Слово «элегия» происходит от греческого слова «елегус», означающего жалобу или плач. Элегические произведения Пушкина выражали его чувства, настроения, были окрашены грустью и печалью и иногда, (несмотря на её большой объём) являлись жанром его любовной лирики.

Второй период творчества (1818-1829 гг.) характеризуется ростом художественного мастерства.

1. Стихи постепенно освобождаются от условности, пушкинское Я всё больше заявляет о себе, углубляется содержание его любовной лирики, приобретающей всё более самобытный и новаторский характер.

2. Любовные произведения этого периода наполнены переживаниями и грустью, связанными с изменой в любви.

3. В период 1826-29-ого годов Пушкин особенно остро начал ощущать всю неустроенность своей жизни. Отсюда появляется тема воспоминаний и переоценка жизни («Воспоминание», 1828 г.). (Воспоминания о прошлой жизни будят «угрызения» сердца поэта, «мечты его кипят», он с отвращением вспоминает свою жизнь и проклинает её, жалуется, льёт слёзы, но эти слёзы не смывают «строк печальных»).

4. Начало этого периода проходило под эгидой победы романтизма, который принёс переоценку жанров. Одним из лозунгов этого периода явился отказ от стеснительных рамок поэтики классицизма, от строгого разграничения жанров.

5. Изменения произошли и в языке стиха. Именно в этот период создаются такие шедевры, как «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825 г.). Поэт вырабатывает свой собственный стих, который теперь называется пушкинским. Из пушкинских стихотворений исчезают символы и эмблемы, характерные для его раннего периода. Резко сокращается количество славянизмов.

Третий период (1830-1836 гг.) связан с большими переменами в жизни поэта, предстоящей женитьбой и семейной жизнью, что отразилось на его лирике.

1. Уменьшается количество лирических стихотворений поэта, однако созданные произведения поражают своей глубиной, стройностью и точностью.

2. Слово имеет уже прямой смысл. «Томление по слову»(19)-264, мучительное ощущение невозможности выразить словом «невыразимое» у Пушкина в этот период отсутствует.

3. Лирика 30 - х годов интересна стремлением поэта отразить параллельно с чувством любви сложность окружающего мира, понимание ухода в небытие.

4. Намечаются серьёзные сдвиги и в жанровой структуре, приближающейся к повествовательной форме. Повествовательная форма становится одним из основных жанров пушкинской любовной лирики.

5. Образы его любовной лирики ясно вычерчены, хотя и окрашены чертами романтизма.

Таким образом, рассмотрев отдельные положения биографии поэта и его любовной лирики, исследовав некоторые работы пушкиноведов, характеризующие пушкинскую любовную лирику в общих чертах и относящиеся к различным периодам творчества поэта, обращает на себя внимание тот факт, что самый ранний, ювенальный период любовной лирики поэта, изучен недостаточно, хотя самое большое количество произведений (в процентном отношении) относится именно к этому периоду.

Ранняя любовная лирика, часто поражающая своей непосредственностью, оказалась той точкой, от которой оттолкнулся Пушкин. Это был период его исканий, проб, использования языка предшественников, жанровой условности. Без глубокого изучения его ранних лирических произведений трудно проследить за дальнейшим развитием любовных лирических произведений зрелого Пушкина. Рассмотрев характеристики, связанные с периодами любовной лирики, их взаимосвязь, появилась необходимость более подробного исследования ювенальной лирики поэта.

К ювенальному пушкинскому периоду относятся следующие произведения: «К ней», «К живописцу» (1815 г.).

«Окно», «Элегия», «Певец», «Месяц», «Любовь одна - веселье жизни хладной», «Разлука», «Желание», «Элегия» (Я думал, что любовь погасла навсегда») (1816 г.).

«К Делии», «Делия» (1814-1816 г.).

«К молодой вдове», «Письмо к Лиде», «В альбом», «К*** («Не спрашивай зачем»), «К ней» (1817 г.).

Типы любви, которые описывает Пушкин в своих ранних произведениях, совершенно разные - **это чувство ревности, физическая любовь, любовь, связанная с чувством печали, восторг любви, бешенство любви, муки любви.** И поёт поэт об этих чувствах по-разному, в зависимости от настроения. Настроения, и для лирики это естественно, были очень непрочны, изменчивы. Поэтому его ранние лирические произведения можно рассматривать не в хронологическом порядке, и, не выделяя жанры, а в зависимости от

значительного аспекта их фактуры. Думается, что в ювенальной любовной лирике Пушкина, следует выделить три группы стихотворений

К первой группе надо отнести стихотворения «Окно» (1816 г.), «К Делии» (1814-1816 гг.), «Письмо к Лиде» (1817 г.), «К живописцу» (1815 г.), в которых тема любви часто трактуется на фоне природы.

Во вторую группу следует выделить произведения, обсуждающие страстную любовь: «Месяц» (1816 г.), «Делия» (1814-1816 гг.), «К ней» («Эльвина, милый друг» (1815 г.), «Желание» (1816 г.), «Разлука» (1816 г.), «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал» (1817 г.), «К молодой вдове» (1817 г.).

К третьей группе можно отнести стихотворения, в которых поэт повествует о любви обычно с некоторой дистанции и иногда в элегической форме. К последним можно отнести: «Любовь одна - веселье жизни хладной» (1816 г.), «К***» (1814-1816 г.), «Певец» (1816 г.), «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе» (1816 г.), «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда» (1816 г.), «В альбом» (1814-1816 гг.). «К молодой вдове (1817 г.)»

III.«...когда пустынная луна текла туманною стезёю...» ОПИСАНИЕ ЛЮБВИ НА ФОНЕ ПРИРОДЫ.

1. «Окно»

В ранней любовной лирике Пушкина описание любви можно встретить на фоне природы или предметного пейзажа. В стихотворении «Окно» (1816 г.) поэт описывает любовь и счастье другого.

Недавно тёмною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел - дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На тёмный под холмами путь.

«Я здесь!» - шепнули торопливо.
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темнотой.
«Счастливец!» - молвил я с тоскою: -
Тебя веселье ждёт одно.
Когда ж вечернею порою

И мне откроется окно?» I-155

По своему содержанию стихотворение можно разделить на две части. Первая часть - описание со значительными деталями, взятыми из природы. На этом фоне поэт описывает чувства любовников. Эти стихи полны эмоционального напряжения, выраженного в ожидании. Поэт рисует картину ночи, на фоне тёмного неба с «пустынной луной», с которой тесно связан образ задумчивой девы, сидящей у окна и глядящей с волнением «на тёмный под холмами путь». Напряжение снимается шёпотом начала второй части «Я здесь!». Эти слова заставили деву вздрогнуть и открыть окно. Очень немногословно говорит поэт о чувствах молодых любовников, но ясно, что чувство их взаимно. Темнота и луна как бы составляют подходящий аккомпонемент героям. Когда возлюбленная открывает окно, луна покрывается темнотой, чтобы не мешать встрече. Кроме двух влюблённых, здесь присутствует третье лицо - Я, условный герой, который с тоской произносит:

«Счастливец!» - молвил я с тоскою.
Тебя веселье ждёт одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?

С одной стороны здесь веселье, радость и счастье другого или других, с другой стороны - тоска и одиночество поэта.

Последнее четверостишие стихотворения лирично, хотя чувства ещё не ярко выражены. Любовь наблюдается условным лирическим героем со стороны. Условен и образ луны.

Условность произведения подчёркнута и его языком. Пушкин, поэтизируя стихотворение, отдаёт дань славянизмам: «стезя» и «дева». Эпитеты «пустынный», «туманный», «тёмный», «вечерний», как и оксиморон «трепетная рука», помогают лучше почувствовать таинственную обстановку ночи и интимность.

2. «К Делии»

За описанием любви на фоне природы можно наблюдать и в стихотворении «К Делии» (1814-1817 гг.). В этом стихотворении уже ясно, хотя подчёркнуто-условно, фигурирует предмет любви по имени Делия, к которой и обращены стихи:

О Делия драгая!
Спеши моя краса;
Звезда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покатился;
Спеши - твой Аргус удалился
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаённой
Дубравной тишины,
Где ток уединённый
Сребристыя волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви весёлый
И блеском освещён луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, - я весь горю желаньем,
Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.» I-181

И в начале и в конце стихотворения молодой любовник торопит миг любви. Он просит свою возлюбленную спешить:

Спеши, моя краса
.....
Спеши - твой Аргус удалился...

«Приют любви» уже готов, он ждёт любовников. Страстное чувство руководит возлюбленным, он горит желанием увидеть Делию: «Я весь горю желаньем».

Герой зовёт возлюбленную в свои объятия. Здесь страсть и любовь проходят на фоне природы, описание которой занимает в стихотворении большое место. Любовь ассоциируется со звездой:

Звезда любви златая
Взошла на небеса;

Несмотря на то, что читатель слышит журчание ручейка, ночь окутала всё молчанием:

«Безмолвно месяц покатился».

Здесь и «потаённая сень» дубравы, и «ток уединённый сребристыя волны», и блеск луны. Тишина, тень ночи, уединение - такую романтическую обстановку автор подготовил для встречи любовников.

Сторож, препятствующий встрече возлюбленных, изображён в образе Аргуса, которому сон сомкнул глаза. Созданию романтической и подчёркнуто условной обстановки любви способствует язык стихотворения. Пушкин обращается к славянизмам «златая», «сени», «сребристыя», «ток уединённый», этим самым поэтизируя фон произведения. Другие признаки условности - это имя Делия, Аргус, Филомела. Но несмотря на условность стихотворения, молодой поэт описывает настоящие земные чувства. Его условное «Я» говорит языком страсти. В этом стихотворении нет и тени грусти.

3. «Письмо к Лиде»

С описанием такого же страстного чувства мы встречаемся и в другом стихотворении, «Письмо к Лиде» (1817 г.).

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихой свой покров,
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов,
Когда не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь:
Тогда моей темницы вновь
Покину я немые своды...
Летучих остальных минут
Мне слишком тягостна потеря -
Но скоро Аргусы заснут,
Замкам предательским поверя,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспалённому дыханью
И жарким, ласковым устам,
Узнай любовника - настали
Восторги, радости мои!..
О Лида, если б умирали
С блаженства, неги и любви! I-211

В этом стихотворении так же, как и в предыдущем есть условно названный предмет любви - Лида, и здесь нет ни грусти, ни печали. Молодой любовник торопит час свидания. Ночь раскинула над любовниками благосклонный покров. Всё спит в этой тишине. И только

... не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь.

В эти, полные тайны минуты, любовники могут встретиться. Желание встречи, страсть торопят молодого героя:

По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанию,
По смелым, трепетным рукам,
По воспалённому дыханью
И жарким, ласковым устам,
Узнай любовника...

Уже не только желание увидеть любимую, но и описание восторгов и радости любви мы находим в этом стихотворении. Поэт описывает не только восторг любви, но и её неотразимую страсть, от которой не жалко и умереть:

О Лида, если б умирали
С блаженства, неги и любви!

События в этом произведении разворачиваются постепенно. Нарочито замедлена первая часть, иллюзию которой создаёт упоминание о благосклонном мраке ночи и медленно движущейся стрелке часов. Динамична вторая часть, связанная с описанием восторгов и любовной страсти.

В целом стихотворение создаёт впечатление поспешности, стремления, страстной любви. И достигает этого Пушкин употреблением не глагольных форм, а именами прилагательными: «скорый», «трепетный», «жаркий», «воспалённый» и «сладострастный». Тире и восклицательные знаки способствуют усилению динамичности, выражению восторгов и быстрой смене событий.

Три раза Пушкин заканчивает предложения многоточиями. Этот приём паузы, которая подчёркивает уход из темницы, приход в обитель любовницы, любовные восторги, и даёт возможность читателю поразмыслить о чувствах героев. Яркости описания любви помогают эпитеты, указанные выше. Условность передаётся через образы Аргусов и язык произведения. Славянизмы или поэтические термины «обитель», «нега», «сладострастье», «темница», «благосклонный мрак» (оксиморон, как и «смелые, трепетные руки»), «уста» - поэтизируют стихотворение. Условно и имя героини. И, если в стихотворении «К Делии» любовник только «горит желанием любви» и торопит миг встречи, а ночь подготавливает «приют любви весёлый», то здесь уже любовник покидает «немые своды», он стремится в «обитель» своей возлюбленной и страстно обнимает её - хотя бы в письме. В стихотворении

«Письмо к Лиде» уже смело описан восторг любви и физическая близость.

Рассматривая эти пушкинские стихотворения, мы обратили внимание на роль пейзажа. Природа вошла в его раннюю любовную лирику в условно-стилизованных изображениях, в поэтически-традиционных символах. Она помогала молодому Пушкину передавать свои чувства любви, грусти, печали, наслаждения, помогла описать любовь.

4. «К живописцу».

С описанием любви, хотя и не связанным с природой, мы встречаемся в стихотворении «К живописцу» (1815 г.), в котором молодой поэт восхищается воображённым предметом своей любви. Произведение полно откровений по отношению поэтического Я:

Дитя харит и воображенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гибеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу. 1-139

В этом стихотворении подчёркивается только начало, т.е. зарождение любви, полуматериальной, полудуховной. Влюблённый герой ищет среди друзей тех, кому может он доверить свою тайну. Например, обращаясь к другу-живописцу, герой просит написать портрет возлюбленной, в которой он видит или желает видеть и «взоры самой красоты», и «тонкий стан Гибеи», который он просит повязать поясом Венеры. И дальше, с одной стороны «друг сердца» обладает «красой невинности небесной», т.е. незримой красотой, восходящей к божественным образам. С другой стороны герой просит живописца накинуть «прозрачны волны покрывала на трепетную грудь». Здесь ясно выступают чисто человеческие черты.

Обожествляя предмет своей любви, герой описывает её, обращаясь к образам Гебеи и Венеры, являющихся образцами вечности и красоты древне-греческой мифологии. Образ улыбки душеньки прелестной является характерным для стихотворения сочетанием духовного и материального.

В этом стихотворении существуют рядом невинность и эротика, описание и лиризм. Черты возлюбленной поэт передаёт через образы Гебеи и Венеры, он стилизует под них свою героиню. Здесь нет страстных любовных стенаний, восторгов, но здесь молодой поэт, любуясь предметом своего желания, на полпути к ним.

Желая нарисовать «невинность небесную» и вместе с тем эротический образ, Пушкин использует славянизмы «сокрытый», «воздохнуть», употребляет краткую форму прилагательного «прозрачны», которые поэтизируют произведение.

Таким образом, рассмотрев эту группу стихотворений, можно сделать вывод: в этих произведениях присутствуют условно названные предметы любви - Делия, Лида, «милый друг», «друг сердца», «краса невинности небесной». Везде присутствует условный герой. Описание природы помогает лучше понять душевное состояние героев. Употребление славянизмов создаёт особый поэтический колорит произведений.

Любование предметом любви в этой группе стихотворений приводит читателя к более смелым эротическим сценам, которые будут рассмотрены в следующей главе.

IV. «...быстрый обморок любви...» - СТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

В этот же период молодой поэт передаёт свои чувства, описывая страсть любви, её муки, восторги, он поёт любовь, он наслаждается ею. Но, как мы уже видели, любовь не всегда приносит счастье, иногда это разочарование, горести и печаль. Молодой Пушкин мечтал о любви, жаловался от любви, но любовь в разных её проявлениях была связана и с наслаждением или хотя бы с ожиданием его. Поэт описал страсть любви на фоне природы. Природа сочувствует пушкинскому герою.

1. «Месяц»

Лиризм произведения сливается с обстановкой в стихотворении «Месяц» (1816 г.):

Зачем из облака выходишь,
Уединённая луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И, гордым разумом моим

Чуть усыплённые, желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь тёмный ясень проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назад?
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени лёгкие редели
Пред неожиданной зарёй?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился? I- 156-157

В этом произведении картины описания природы чередуются с описанием любви. «Уединённая луна, ночь, тусклое сияние» - спутники пушкинского героя, они помогают глубже понять его чувства и переживания. «Уединённая луна» своим тусклым светом наводит грустные мечтания о

напрасных любовных страданиях. Молодой герой страдает, но он обладает гордым разумом, который старается усыпить его страсть и желания. Он гонит прочь свои воспоминания и любовь. Однако чувства юноши противоречивы. Силы любви и луны непреодолимы. И он, не хотя, вспоминает ночь, когда «спокойное сиянье» освещало лицо его возлюбленной. Герой вспоминает эти минуты не только как миг любви, но и как её тайную прелесть. Значит была любовь и было счастье, но эти минуты умчались, и одинокий любовник тоскует. Рассвет принёс час расставания с возлюбленной. Его мечты рассеялись. Описание ночи и рассвета сплетаются воедино с лиризмом произведения и страданиями героя из-за прошедшей любви.

В этом стихотворении уже фигурирует слово «любовница» в отличии от «милый друг» в стихотворении «К ней» (1815 г.). Молодой поэт здесь уже более смело обращается со словами. Читатель встречается со славянизмами «сладострастье», «почто», «столь», которые поэт употребляет, возможно, отдавая дань классицизму или условно-поэтическому стилю. Эпитеты «тусклый», «пасмурный», «таинственный», «туманный» подготавливают читателя к восприятию тоски и безответной любви. Условность автор передаёт через образы месяца, зари, луны и метафоризацию произведения - «усыплённые желанья, летите прочь воспоминанья, засни, несчастная любовь».

Настроение тоски и грусти не покидают поэта и явно преобладают в этом стихотворении. Любовь прошла, её уже нет, остались скорее грустные воспоминания.

2. «Делия»

Любовь не всегда связана с грустью или разочарованием из-за отсутствия наслаждений. Любовь для пушкинского героя - это радость и счастье, когда возлюбленные вместе. Счастье такой любви описано в стихотворении «Делия» (1814-16 гг.):

Ты ль передо мною,
Делия моя!
Разлучён с тобою -
Сколько плакал я!
Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?
Ты ль узнала друга?
Он не то, что был,
Но тебя, подруга!
Всё ж не позабыл -
И твердит унылый:
«Я любим ли милой
Как бывало был?»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей -
Делия стыдится?..

Что теперь сравнится
С долею моей! I- 182

Это небольшое по объёму стихотворение полно лиризма. Первые семь строк повествуют о сомнениях героя, который не может поверить, что его любимая находится перед ним. Влюблённый думает, что это сон. Он был разлучён с любимой и пролил много слёз из-за разлуки.

Вторая строфа - это всё ещё сомнения молодого любовника. Он уже не тот, что был, хотя и не позабыл свою подругу. И герой повторяет вопрос:

«Я любим ли милой
Как бывало был?»

Последняя строфа не даёт прямой ответ на его сомнения. По слезе радости, катящейся из глаз Делии, он знает, что любим. К тому же герой спрашивает: «Делия стыдится?» И этот вопрос даёт понять, что он может вновь узнать счастье любви. Влюблённый счастлив и счастье его подчеркивается двукратным повторением:

Что теперь сравнится
С долею моей!

И по звуковой фактуре, и по семантике этого стихотворения «Делия» и «доля» близки.

Стихотворение по своему построению и 3-х стопному хорею напоминает песню, в которой звучит радость любования любовью. Но как бы в связи с «песенностью» вещи здесь напрашивается и другая интерпритация текста. Песня часто связана с грустью, и, если допустить другую интонацию, то слеза, катящаяся по щеке, и восклицание «Что теперь сравнится с долею моей!» - могли бы означать, что унылое Я разлюблено. Таким образом простота песенного текста оказывается сложной и подчёркивает решающее значение исполнения в окончательной трактовке вещи.

3. «К ней»

Другим излиянием чувств является и стихотворение «К ней» («Эльвина, милый друг.» 1815 г.). В 16-ти строках этого произведения молодой Пушкин как бы передаёт свои личные переживания:

Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку.
Я вяну, прекрати тяжёлый жизни сон;
Скажи - увижу ли... на долгую разлуку
Я роком осуждён?

Ужели никогда на друга друг не взглянет?
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с весельем обнимать?
На милую стремить томленья полны очи
И страстно трепетать?

И в радости немой, в восторгах наслажденья
Твой шопот сладостный и тихой стон внимать
И тихо в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать? I - 103

Первые четыре строки наполнены просьбами, жалобами и проникнуты грустью. Герой по имени обращается к предмету своей любви, называя её другом. Он разлучён со своей возлюбленной, сам не зная на сколько, и поэтому ему кажется, что он осуждён роком. Чувство героя постепенно усиливается. Если в первых четырёх строках герой называет свою возлюбленную «милым другом» и хочет сократить «долгую разлуку», то второе четверостишие повествует о мечтах и сомнениях. Из этих строк видно, что герой уже мечтает о физической близости. Воображение влечёт героя всё дальше. Он мечтает обнять свою возлюбленную «в часы глубокой ночи», «стремить» на неё полные томления «очи» и трепетать от страсти. Заключительные строки - это уже мечты о любовном наслаждении. Молодой поэт очень тонко и вместе с тем ярко описывает восторг любви. Это стихотворение о любви. Любовь, эрос, счастье - лейтмотив этого произведения. Здесь есть и

грусть, связанная с разлукой (на фоне которой физическая близость ощущается ещё сильнее), но разлука необязательно должна быть навсегда.

В центре внимания этого стихотворения условный образ лирического Я. Как соответствие условному адресату - Эльвине - в стихотворении встречаются славянизмы или поэтические слова: «роком», «внимать», «очи», «нега», которые являются данью поэтической традиции. Тем не менее, можно утверждать, что молодой поэт делает это не обязательно и что, несмотря на поэтизацию и позу, он передаёт и свои чувства. Этот только зарождающийся трепет любви будет развиваться и усиливаться и перерастёт со временем в очень сильное и страстное чувство, которое будет связано у Пушкина с муками несчастливой любви. Это чувство нашло отражение в небольшом стихотворении «Желание» (1816 г.).

4. Желание

Медлительно влекуться дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слёзы лью; мне слёзы утешенье;
Моя душа, пленённая тоской,
В них горькое находит наслажденье.

О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье
Пускай умру, но пусть умру любя! I-167.

Стихотворение начинается жалобами, из-за несчастливой любви. Время «влечётся» очень медленно, усиливая страдания героя, безумные мечты которого не дают ему покоя. Влюблённый льёт слёзы, но не ропщет. Строка - «Но я молчу: не слышен ропот мой.», кажущийся пародокс, т.к. герой ропща не ропщет и молча не молчит. Этим Пушкин только подчёркивает лирическую интимность стихотворения. Слёзы для героя - это утешение. Он тоскует, страдает и в то же самое время любуется своими страданиями и мучениями из-за любви. Герою не жаль времени - «жизни час», «пустого провидения» - лишь бы он не расставался с сильным чувством любви - даже если оно бывает горьким. Не смерть страшна, а отсутствие любви:

Пускай умру, но пусть умру любя.

Пушкинскому герою, как и самому поэту дорога любовь, даже если она связана с муками. Пушкин этими последними словами поёт гимн любви. Желание любви, счастья, наслажденья - частые спутники пушкинского поэтического Я. И здесь прибавилось страдание, которым он наслаждается. Это стихотворение - любование муками любви.

Парадоксально, что обилие глагольных форм в этом произведении не способствует быстрому развитию поэтического сюжета. Здесь не чувствуется динамики. Глаголы и отглагольные наречия «медлительно», «множить», «тревожить», «находить» как бы замедляют весь темп жизни героя. Медленный темп задаётся с самого начала: «Медлительно влекутся дни...» и подчёркивается указание на длительные процессы или состояния - слёзы, плен и даже смерть, которые служат ярким контрастом для обращения к жизни: «О жизни час! лети... Исчезни...»

5. «Разлука»

Муки любви, связанные с предстоящей разлукой, описывает Пушкин в стихотворении «Разлука» (1816 г.):

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся,
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся -
Да! помню всё; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой Муза встретит;

Утешусь я - и дружбы тихой взгляд
Души моей холодный мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят,
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною:
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснёт ли день за синею горою,
Взойдёт ли ночь с осеннею луною -
Я всё тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь - невольно призываю,
Заслушаюсь - твой голос слышен мне.
Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнаёт уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой
И лишь любви ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы

Изобразят уныние моё,
И, слушая бряцание твоё,
Пускай вздохнут задумчивые девы. I- 163-164

Произведение по своему содержанию и построению можно разделить на три части. В первой части поэт повествует о печали, охватившей его, в связи с предстоявшим расставанием с возлюбленной. Стараясь заглушить свою печаль, он утешал себя, понимая, что наступит забвение, и мука потонет в мечтах. А Муза встретит печаль «усладой». Муза должна откликнуться и утешить героя, который не боится последствий разлуки. Но в этом, как будет видно из второй части, он обманывал себя. Прошло время, однако, «горестям отрады не приводят».

Вторая часть, начинающаяся словами «Как мало я любовь и сердце знал», передаёт тоску и уныние, мечты о возлюбленной. Герой страдает, образ его любимой повсюду с ним.

Третья часть - обращение к лире - верной наперснице, которая помнит «голос любви», и грустит вместе с героем, передавая его настроение. Голос лиры не простой, он может заставить дев вздохнуть и задуматься над своими чувствами.

Пушкин передал в этом стихотворении силу любви, страдания молодого героя. Любовь связана здесь с печалью и передана через неё. Эротика занимает мало места в произведении, она выражена в словах, обращённых к любимой:

И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся -

К руке твоей устами прикоснулся -

Образ любимой не конкретный и не материальный, её нет, она изображена как эфирное явление, дух любви, следующий повсюду за героем. Слова: «О милая повсюду ты со мною...» - подчёркивают эту мысль.

Герой страдает, разлука для него - это «бездна», он охвачен ужасом. С одной стороны герой утешает себя, с другой - опять и опять вспоминает свою любимую. Однако, его облик и самые переживания являются лишь условно-поэтическим отсевом чувства печали, тоски, жалоб.

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горести отрады не приводят
И не несут забвения фиал.

В этих словах проступают жалобы поэта, облечённые ещё в условную форму. Пушкин передаёт условность через образы Музы и Лиры, которые, как и он, подвластны силе любви. Эпитеты, которые использует поэт усиливают впечатление тоски, печали и разлуки. Они очень точно и метко передают состояние влюблённого - «последний», «трепетный», «несносный», «вечный», «губительный», «холодный» и другие.

И, хотя эротика занимает немного места в стихотворении, это произведение даёт возможность понять переживание героя, его душевное состояние, горести и муки любви.

6. «К ней» (« В печальной праздности я лиру забывал...»)

Любовь для молодого поэта почти всегда связана с печалью. Но, говоря о любовной тоске, печали, желаниях, Пушкин поёт любовь во всех её проявлениях. В любви он видит воскрешение к жизни. Элегия «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал») (1817 г.) отражает такое состояние поэта:

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонник безмятежный,
На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки,
И гул дубрав горам передавал
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! Я влачил постыдной лени груз,
В дремоту хладную невольно погружался,
Бежал от радостей, бежал от милых муз
И - слёзы на глазах - со славою прощался!
Но вдруг, как молнии стрела,

Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам! I-226

Это произведение о прошедшей и вновь воскресшей любви. По своему содержанию оно может быть разделено на несколько частей.

Любовь и молодость как бы ушли, а вместе с ними угас и «гений», и поэт предаёт забвению лиру:

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось. I-226

Следующие восемь строк наполнены воспоминаниями о пролетевших днях «любви, надежд и грусти нежной», когда лира воспевала «волнение любви, уныние разлуки». В эту

счастливую пору «гул дубрав передавал горам задумчивые звуки...» В пору любви оживают даже неживые предметы.

Последующие четыре строки передают сожаления поэта о времени, когда он погружался «в дремоту хладную», когда он, уже разлюбивший, «бежал от милых муз». Молчит лира поэта, ей не о чем больше петь, любовь ушла:

Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость.
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.

Любовь вернула моральные силы поэту, с её возвращением расцветает природа, а сам поэт «трепещет жизнью», хотя с чувством любви связаны не только радость и надежда, но и скорбь.

Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...

Любовь переполняет душу поэта, и он восклицает: «Хвала любви, хвала богам!» Струны воскресли и вновь раздался голос лиры.

В этом произведении переплетаются совершенно разные состояния и чувства - забвение и воспоминание, сожаление о

В этом стихотворении уже более смело звучит голос поэта, увереннее становится его поэтическое Я. Хотя молодой Пушкин не до конца расстаётся с условностью, он передаёт через лиру своё настроение, связанное с уходом и наступлением любви. Обращает на себя внимание тот факт, что Пушкин уже свободно обращается с элегией, не прикрепляя её к элегическим канонам. К концу произведения Пушкин явно отходит от канона, ибо уже грусть и увядание уступают место воскрешению молодости.

7. «К молодой вдове»

К подобным описаниям страстной любви относится и стихотворение «К молодой вдове» (1817 г.):

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь лёгкий сон
Часто негой утомлённый,
Слышу я твой тихой стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижный, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,

Иногда я замечаю
Слёзы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Вечно ль слёзы проливать,
Вечно ль мёртвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Там объемлет вечный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не проскорбен скорби стон;
Не для них - весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слёзы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И блаженством упоенный
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви - невинны мы.
Нет, разгневанный ревнивец
Не придёт из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,

И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день. I-201-202

Сюжет произведения - это взаимная любовь между Лидой и лирическим Я, но, омрачённая присутствием тени умершего мужа, боязни возмездия с его стороны, и чувством обоюдной ревности (со стороны лирического Я и мужа). Любовь, о которой повествует автор, связана с описанием восторгов любви, т.е. между партнёрами существует физическая близость:

...Почему сквозь лёгкий сон
Часто негой утомлённый... и

Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви...

Здесь вместе с восторгом любви слышны нотки грусти и печали. Молодая вдова, отдаваясь своему чувству, боится возмездия со стороны умершего мужа. Поэтому во время «любви счастливой» она устремляет в темноту свой взор, у неё в глазах слёзы, она рассеянно слушает рассказ любовника и холодно относится к нему. Вторая часть стихотворения - это воспоминания о том, кто никогда уже не сможет вернуться, об умершем муже и о царстве мёртвых:

Верь мне: узников могилы

Там объемлет вечный сон,
Им не мил уж голос милый...

Молодой герой, обращаясь к своей возлюбленной, увещевает её не стыдиться любви, не бояться тени умершего мужа, он склоняет подругу к любви, утверждая, что любовь только для мира сего.

Во всех произведениях, рассмотренных выше, мы сталкивались с различными видами любви, от любви взаимной до грустной, печальной и тоскливой. Пушкинский герой то гнал от себя любовь, то мечтал о ней. Но эти чувства касались, как правило, только двух партнёров (исключая стихотворения «Окно» и «Слыхали ль вы...»). В стихотворении «К молодой вдове» появляется уже третье действующее лицо. Новый герой явился в произведении в образе тени умершего мужа. И, как следствие его появления, возникает и новое чувство - ревность, которое проявляется к Лиде. Здесь описаны естественные, человеческие чувства героев: страсть и ревность.

Однако условность проявляется ещё в языке стихотворения, в его метафорических выражениях: «негой утомлённый», «взор недвижный», «вкушаю быстрый обморок любви», «рассеянно внимаешь», «сладко пожимаешь», «хладен взор», «объемлет вечный сон», «вздохом смерти воздохнул», «блаженством упоённый», «увенчанный счастливец». Читатель встречает здесь и тавтологию: «Не прискорбен скорби стон», что вместе с описанием царства мёртвых, вводит его как бы в сказочный мир, окутанный таинственностью романтизма.

Рассмотрев стихотворения этой группы («Месяц», «Делия», «К ней» («Эльвина, милый друг...»), «Желание», «Разлука», «К ней» («В печальной праздности...»), «К молодой вдове») мы обратили внимание на то, что любовь влечёт пушкинского героя, он счастлив, когда вместе с любимой, его охватывают сомнения («Делия»), он льёт слёзы из-за разлуки с ней («К ней», («Эльвина, милый друг»), видит её во сне и в мечтах («Желание»), ревнует свою возлюбленную («К молодой вдове»), мы слышим его жалобы, просьбы, чувствуем грусть, он мечтает о физической близости. Любовь порабощает его, не отпускает и заставляет страдать. В стихотворениях «Месяц», «Делия», «К ней» («Эльвина, милый друг...»), «Желание», «Разлука», «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал»), «К молодой вдове» воспета любовь, её страсть, тоска, горечь предстоящей разлуки, муки любви, ревность. Но проходили страсти, и Пушкин, как и любой человек начинал рассуждать о любви, он уже трезво мог оценить прошедшее чувство. Размышления поэта о любви, воплощёны в целый ряд стихотворений, которые будут рассмотрены ниже.

V. «Минувших дней погаснули мечтанья...» - РАССУЖДЕНИЯ О ЛЮБВИ

В произведениях третьей категории Пушкин описывает любовь уже не через призму природы и доминантой является не страсть. Здесь непосредственно слышен голос самого поэта, его чувства, мысли. Однако, поэт может не только возбуждаться и писать от избытка нахлынувших на него чувств, но и, пройдя через любовные муки, спокойно рассуждать о любви. Эти рассуждения Пушкина о любви часто отражались в его элегиях.

1.«Любовь одна - веселье жизни хладной»

Примером такой элегии является «Любовь одна - веселье жизни хладной...» (1816 г.). Уже первое двустишие, основанное на контрасте, предвещает дальнейшее развитие любовной темы:

Любовь одна - веселье жизни хладной,
Любовь одна - мучение сердец.
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!
Но кто в любви не жертвовал собой?

Вы, чувствами спокойные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть - и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал,
И в дар послал огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришёл конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,

И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервётся ли души холодный сон,
Поэзии зажжётся ль упоенье,-
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное приходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю, - он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. но к ней уж не коснётся
Страдальца глас; она не улыбнётся
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под клёном полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар, как лёгкий скрылся дым. I-165

В этой элегии поэт рассуждает о любви. Любовь - это веселье и мучение, она дарит один только миг, остальное время связано с горестями и страданиями. Не каждому дано

«поймать» этот миг и склонить стыдливую красоту к «неге». И Пушкин задаёт вопрос:

Но кто в любви не жертвовал собой?

И дальше идут его размышления о свободных певцах, которые смирялись душою перед своими возлюбленными и клялись им в любви:

Вы пели страсть - и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.

Пушкин использует образ Амура - бога любви в древней мифологии, который раздавал одним радости, а другим печали, навсегда связав последних «огнём любви несчастной». Рассуждая о любви, поэт обращается к наследникам поэтов Тибулла и Парни, знавших сладость счастливой любви, воспевших её в своих произведениях. Поэтому молодой поэт восклицает:

Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!..

И если он просит их отдавать дань любви в стихах, то сам для себя делает оговорку:

Завидовать уже не смею вам.

Это служит переходом к тем певцам любви, ведавшим печаль и призывавшим смерть. И, встретив свой конец, они не

испытали минутной забавы. Поэты не находили блаженства в любви, но они нашли славу и остались бессмертны. То есть поэт подчёркивает мысль о бессмертии поэтов, связанных с перенесенными муками любви. Эта страсть любви дала силу поэтам воплотить в произведениях высокие чувства. Они ближе к поэту, с той разницей, что он не верит в свой дар, который, по его мнению, «слаб» и славы не завоюет.

Пока поэт рассуждает о чьей-то любви, он философ, но как только дело касается его личных чувств, слышна боль, тоска и страдания. Так в последней части этой элегии поэт говорит о своей судьбе. И, передавая своё настроение, он обращается к природе. «Сумрачные облака, тьма лесов, дубравы, ропот волн», и мрачный колорит вообще созвучны его настроению. Через природу читатель лучше понимает душевное состояние поэта, его одиночество. Молчит лира поэта, он оставил её зефиру, жар поэзии рождается и тихо и бесследно остывает:

Один люблю, - он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. но к ней уж не коснётся
Страдальца глас; она не улыбнётся
Его стихам небрежным и простым.

Поэт любит один, он не любим, поэтому, передавая свои чувства, не рассказывает всего. Многоточия указывают на это.

Здесь, как и в других его элегиях, слышны жалобы. Пушкин пользуется той поэтической позой несчастного влюблённого, которая навеяна книгами, на что указывает обилие

стилизованных традиционных образов: «жизнь хладная», «нега неизвестная», «миг отрадный», «любовь несчастная», «мука бессмертная». Он написал это произведение в 1816 году, когда он уже меньше начал пользоваться атрибутами классицизма. Но в элегии встречается дань этой традиции: «слепой Амур», «наследники Тибулла», «терния и мирты», «лира», «зефир» - эти обороты и слова не имеют чёткого предметного значения, а являются лишь условными образами высокой поэзии.

Итак, в произведении есть условность. Но, невзирая на условность и жалобу, на бесплодный слабый поэтический дар, читатель может сильно почувствовать основную мысль произведения, которую Пушкин стремиться донести - это сила любви, без которой поэзия как бы бесплодна.

2. «К***»

С рассуждениями Пушкина о прошедшей любви мы встречаемся в элегии «К***» (1814-1816 гг.):

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подъемлю взор угрюмый.
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;
Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил весёлую любовь
И никого не называю милой:
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;
Кто счастье знал, уж не узнает счастья.

На краткий миг блаженство нам дано;
От юности, от нег и сладострастья
Останется унынье одно. I-220

Первое, что привлекает внимание в произведении, - это его название, три звёздочки, вместо имени той, к кому были направлены эти строки. Возможно, что она и явилась предметом грусти и страданий поэта. Впечатление от несчастных переживаний усиливается в связи с вопросительными повторениями, встречающимися здесь «Не спрашивай, зачем...», «Кто, кто...», «Зачем...». Поэт не прямо отвечает на вопрос об ушедшей любви. Но, отказывая в прямом ответе, действуя методом отрицания, он помогает читателю узнать его мысли. Здесь так же как и в предыдущем стихотворении, Пушкин подчёркивает мысль о том, что блаженство дано всего лишь на миг, поэтому герой омрачён даже среди забав. Жизнь не представляет интереса, угрюмый взгляд усиливает впечатление этого состояния. Нотки не только ушедшей весёлой любви, но и разочарования звучат здесь. Герой никого не называет «милой». Юность и сладострастье, по мнению поэтического Я, - это блаженство жизни, но оно скоротечно и уходит навсегда. В пушкинских словах «Кто раз любил, уж не полюбит вновь», так не соответствующим характеру самого поэта, который влюблялся вновь и вновь, таится элегическая условность, выраженная ещё и в образе страдальца, который разлюбил весёлую любовь, и в оборотах речи, передающих его душевное состояние: «унылая дума», «взор угрюмый», «остылая душа».

Есть и одна условная метафора «Сладкой жизни сон». Однако степень метафоричности небольшая, и Пушкин приближается к той непосредственности, которая станет характерным признаком его зрелой лирики.

3.«Певец»

С подобным состоянием грусти можно встретиться и в другом небольшом лирическом произведении «Певец» (1816 г.):

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой -
Слыхали ль вы?
Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Прискорбную ль улыбку замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской, -
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз -
Вздохнули ль вы? I-157

В этом произведении, которое отличается строгой симметрией структуры, любовь исполнена печалью. Пушкин описывает чувства другого человека - певца любви, но и вместе с тем можно считать, что это и авторские чувства. Перед читателем лирический образ певца любви, у которого тихий голос и прискорбная улыбка, а потухшие глаза наполнены тоской. И хотя рассуждений как таковых нет, поэт, как бы со стороны, ставит знак равенства между любовью и печалью.

В первых пяти строках поэт, пользуясь вопросом, описывает ночной голос певца любви и печали и сравнивает его с унылым звуком простой свирели.

Вторые пять строк - это новый вопрос о прискорбной улыбке певца любви и тихом взоре, исполненном тоской, которые ассоциируются с пустынной тьмой леса.

В третьем пятистишии вопрос о потухших глазах юноши-певца. Поэт ищет сопереживателей, и он спрашивает: «Вздохнули ль вы?..» Связь печали и любви подчёркивается троекратным повторением: «Певца любви, певца печали».

Пушкин так написал это стихотворение, что сначала читатель должен услышать певца любви, потом встретить его и только в конце вздохнуть. Здесь играет роль пространство. Сначала это отдалённые звуки его голоса, приближение певца, когда можно заметить улыбку, и близость, когда мы непосредственно встречаем «взор потухших глаз».

В произведении читатель встречает только один славянизм «глас», и вообще это стихотворение отличается непосредственностью и простотой выражения.

4. «Элегия» («Счастлив, кто в страсти сам себе...»)

В «Элегии» («Счастлив, кто в страсти сам себе...») (1816 г.) мы встречаем рассуждения о любви:

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведёт в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!
Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слёзы! I-156

По содержанию произведение можно разделить на две части. В первой части поэт говорит о чертах, составляющих счастье избранных людей. Вторая часть («Но мне в унылой жизни нет...») особенно лирична и очень печальна. Жизнь героя уныла, без тайных наслаждений. Надежда жизни увяла, поэтому жизнь сохнет, молодость уходит и уже слышны угрозы старости. И герой делает вывод:

Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слёзы!..

В этой элегии мало сказано о любви как таковой, но первая часть явно относится к счастью любви, и те несколько завершающих слов о прошедшей любви в конце стихотворения подчёркивают её значение для поэта. Лирическое Я позабыт любовью, но он знал любовь. Для него любовь - это слёзы.

Здесь нет того образа, из-за которого страдает пушкинский герой, нет женщины, в которую он влюблён, но она подразумевается. Грусть и тоска - основные черты этого произведения. Условно-поэтические эпитеты «неведомый», «робкий», «туманный», «верный», «прекрасный», «тайный», «ранний» и метафорические обороты «туманный луч ведёт», «цвет жизни сохнет от мучений», «младость улетит», «надежда робкая лелеет», «в полночи сладострастной» и «тайные наслаждения» передают настроение героя. Метафорические обороты изобилуют в изображении счастливого и несчастного: первого - «луны туманный луч ведёт», ему же «верный ключ отворит»; у несчастного - «увял надежды

ранний цвет», «цвет жизни сохнет от мучений», «младость улетит», «услышит старости угрозы», и «он любовью позабыт». Видимо, несмотря на условность, Пушкин считал эти обороты подходящими для передачи чувств поэтического Я.

5. «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»)

Как можно ожидать, грусть встречается и в другой элегии этого периода. «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда») (1816 г.) - стремление освободиться от любви:

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.

Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле,
И жизни сумрачное поле
Весёлый блеск очаровал»
Но что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру.
Хотел воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я всё ещё горел - и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.
Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.

Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе,
Иль дай ещё летать надежды на крылах,
Позволь ещё заснуть и в тягостных цепях

Мечтать о сладостной свободе. 1-168

Элегия построена на противоречиях. Любовь здесь сравнивается с бушующим морским пространством, в котором носится «бедственный одинокий парус» с пловцами, борющимися с грозой. Любовь - это бедствие, плен, мрак и отрава. С другой стороны - это веселье, игра молодости, мучительные желания и обманчивые мечты. Черты обеих сторон не дают покоя, поэтому лирическое Я обращается к Амуру с просьбой, хотя сам не совсем уверен, чего он больше хочет - любви или освобождения от неё. И эта борьба чувств проходит через всю элегию. Начиная произведение, лирическое Я говорит: «Я думал, что любовь погасла навсегда...» И, конечно, это указние на то, что он обманулся. И далее рассуждая, поэт говорит о той внутренней борьбе, которая происходит в его душе. Сон приносит воспоминания о любви, но его лира молчит, она не хочет больше воспевать «прелестниц молодых». Герой гонит любовь:

Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.

Несмотря на осуждение любви в этих, казалось бы, завершающих словах, поэт не может освободиться от «огня мучительных желаний».

В этой элегии нет грусти, здесь борьба чувств и страсть. В освобождении от любви поэт видит «сладостную» свободу и покой. Он обращается к Амуру:

Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе,
Иль дай ещё летать надежды на крылах,
Позволь ещё заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

С одной стороны герой хочет освободиться от цепей любви. А с другой стороны, последние строки «Элегии» говорят о совершенно противоположном, т.е. герой мечтает о цепях любви. И в силу того, что эта идея выражена в самом конце стихотворения, т.е. в особенно сильном положении, можно считать, что она соответствует его настоящему желанию. Это понятно, если учесть, что альтернативой считается одиночество и бесчувственность:

«Брось одного меня в бесчувственной природе...»

Почувствовать страсть и борьбу чувств помогает нам и язык произведения. Поэтизируя стихотворение, Пушкин отдаёт дань славянизмам. Читатель встречает здесь такие слова и выражения, как «глас», «близ», «стократ блажен», «младость», «взирал». Поэт пользуется различными художественными приёмами: метафора - «...летать надежды на крылах»; тавтология - «Блажен! но я блаженней боле...». Большая роль отводится

эпитетам. Сгруппировав их в зависимости от оттенков, не остаётся никакого сомнения, что герой борется со своими чувствами: «сумрачный - грустный - весёлый»; «неверный - обманчивый - надежный»; «равнодушный - мучительный»; «томный - страстный» - все они указывают на различные состояния или признаки настроения и создают впечатление естественности и искренности.

6. «В альбом»

И, если в «Элегии» пушкинский герой гонит любовь, то в стихотворении «В альбом» (1814-1817 гг.) Пушкин пишет о любви, которая есть, но скоро пройдёт:

Пройдёт любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?..
Позволь в листках воспоминанья
Оставить им минутный след. I-214

Несмотря на то, что эти стихи были записаны в альбоме, они носят интимный, лирический характер и говорят о любви, которая существует сейчас между партнёрами. Но это чувство скоротечно, оно быстро уйдёт, будет забыто, останется лишь одно воспоминание - это стихотворение, записанное в альбоме. Здесь есть восторг любви и тайные свидания, и желания. Но

время и свет разлучат любовников. Любовь здесь скорее печальная.

Поэт рассуждает о любви. Он не называет предмета любви, нет здесь и обычно условно-элегического героя. Чувства, передаваемые в этом стихотворении, звучат очень проникновенно и естественно. Простота и непосредственность могут быть результатом жанра - записи в альбоме. Но следует подчеркнуть, что стихотворение написано в 1817 году, когда Пушкин уже начинает вырабатывать свой собственный язык и стиль.

Рассмотренные стихотворения третьей группы - это повествования о любви, сделанные Пушкиным, но уже, спустя некоторое время после пережитых сильных чувств. Поэт говорит о них как бы с определённой дистанции. В одних произведениях герой Пушкина не находит блаженства в любви, но хочет быть любим («Любовь одна - веселье жизни хладной...»), в других - любовь связана с переживаниями; блаженство любви - это миг («К***»). Любовь исполнена печалью («Певец»), герой рассуждает о прошедшей любви, льёт слёзы («Элегия» («Счастлив, кто в страсти...»). Читатель сталкивается с противоречиями в рассуждениях о любви: с одной стороны любовь - это бедствие и плен, мрак и отрава; с другой стороны - любовь у Пушкина сравнивается с морским пространством, т.е. она всеобъемлющая. Пушкинский герой борется с чувствами - любовь или освобождение («Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»). Он понимает, что

любовь скоротечна, поэтому она печальна («В альбом»). Но несмотря на это, пушкинский герой призывает любить («К молодой вдове»), любовь существует только для живых, и поэтому ею надо наслаждаться. В некоторых стихотворениях этой группы уже более уверенно звучит голос самого автора («В альбом» (1814-1817 гг.), «К ней» 1817 г.).

Рассмотренные в этой работе 17 ранних лирических произведений Пушкина, дают основание сделать некоторые выводы:

Ранняя любовная лирика Пушкина, его «застенчивая муза» вначале шла вслед за Державиным, Батюшковым и Жуковским. В этот период Пушкин не имел ещё своего собственного, поэтического языка. Он прибегал к языку своих предшественников.

Это были стихи, в которых поэт обращался к условному образу литературного героя (хотя и наделённого некоторыми чертами авторской личности), пользовался традиционными формами. Но сквозь эти черты иногда проглядывает пушкинский поэтический мир, точность и ясность мысли, пушкинская интонация.

Своеобразие этой любовной лирики в том, что молодой поэт идёт не столько от жизни, сколько от условно-поэтического восприятия действительности. Окружающая его жизнь преломляется через образы и словесные эмблемы

традиционного стиля пушкинских предшественников и современников. Его ранняя лирика не совсем лишена и своеобразия, но она условна.

Говоря о лицейской лирике Пушкина, Белинский писал, что «она часто удивляет красотой и изяществом стиха». Это с полной уверенностью можно отнести и к пушкинской любовной лирике. Любовные стихи поэта раннего периода завершённые и изящные, и в этом свидетельство пушкинского мастерства. Они окрашены ощущениями молодости, здесь сочетается светлый жизнеутверждающий гуманизм, эпикурейская влюблённость в радости и наслаждения жизни с мотивами грусти и разочарования. Молодой поэт отдаёт дань чувствительной поэзии сентиментализма, используя все её атрибуты: тоска, печаль, грусть, слёзы. Стараясь проникнуть во внутренний мир человеческих переживаний, Пушкин пытался показать психологические оттенки этих чувств. Но они оставались условными, поэтому описания мгновенных радостей и горестей жизни не означали глубокого проникновения в эти чувства. Переживания и ощущения молодого поэта были ещё по-юношески незрелы и часто внушены поэтическими образами. Но чем более зрелым становится поэт, чем больше сталкивается он с действительностью, тем больше начинает звучать в его лирике тема «грустных мечтаний». Ранняя пушкинская элегия, вначале развивавшаяся в духе сентиментализма, в дальнейшем была связана с годами расцвета русского романтизма.

Мы имели возможность проследить, что в ранней любовной лирике Пушкина выделяется несколько категорий. Он обращался то к одной, то к другой, то к третьей.

Последние два года проведённые в Лицее (1816-17 гг.), отмечены ростом художественного мастерства пушкинской любовной лирики, расширением кругозора автора, постепенно сказывающимся на углублении содержания его произведений. Он начинал освобождаться от воздействия посторонних поэтических систем, влияния привычной поэтической фразеологии (Элегия «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»). В его любовной лирике начинает появляться конкретность поэтического мышления - это залог его зрелой лирики (Элегии «Желание», «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»). В пушкинских любовных произведениях лицейского периода заложены истоки поэзии, которые скажутся в его дальнейших лирических произведениях - ясность мысли, пластичность формы, точность и сжатость словесного мастерства.

VI. «Я ЖИТЬ ХОЧУ, ЧТОБ МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ...» - ЛЮБОВЬ В ЛИРИКЕ 20-30-х ГОДОВ

В пушкинских произведениях более позднего периода можно выделить категории, соответствующие его ранним произведениям, правда иногда в смешанной форме. Наблюдения за этими категориями помогут понять разницу между ранней пушкинской любовной лирикой и любовной лирикой более позднего периода.

1. «Ненастный день потух...»

В пушкинских любовных произведениях зрелого периода читатель может встретить описание любви на фоне природы, но язык этих описаний и методы, которыми пользуется поэт усовершенствованы. К таким относится стихотворение «Ненастный день потух...» (1824 г.).

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоён вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...

Вот время: по горе теперь идёт она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто её колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предаёт
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных
.....
.....
.....

Никто её любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
.....
Но если..... 1-383

В этом стихотворении описание природы связано с эросом. Природа служит контрастным фоном для переживаний поэта и помогает понять его настроение. Элегия начинается картиной северной угрюмой природы, гармонирующей с «мрачной тоской» поэта. Пушкин противопоставляет мрачную природу севера (стихотворение было написано в Михайловском) южной природе. Ненастный день ушёл, взошла луна, и эта обстановка наводит грусть на душу героя. Оживают воспоминания о другом, далёком крае, где «луна в сиянии восходит», где «воздух напоён вечерней теплотой», где «море движется

роскошной пеленой под голубыми небесами...» И он мечтает о своей возлюбленной, которая в это время находится на юге, и герой вспоминает другое время, когда она шла к берегу, омываемому волнами, где теперь сидит одна, печальна. Никто не клянётся в любви:

Никто её колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предаёт
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей
белоснежных.

Эти «ревнивые мечты» далеко не то, что понимают под словом «ревность». Это сложное состояние, связанное с концепцией «небесной» утаённой любви. «Утаённой» потому, что это сугубо личное, интимное чувство:

Никто её любви небесной не достоин...

Эта формула выражает возвышенно-идеальное романтическое представление о чувстве любви и «никто» может относиться не только к другим, но и к самому себе. Героиня наделена физическими неземными чертами, но её любовь идеализируется:

«Никто её любви небесной не достоин».

Начиная со слов:

«Неправда ль: ты одна... ты плачешь... Я спокоен...»

- полной веры в то, что она сидит одна и плачет, уже нет. Поэт хочет убедить себя в том, что она одна, он пытается успокоить себя, что возлюбленная страдает так же, как и влюблённый герой. Поэт говорит о себе всего два слова: «Я

спокоен». Но после этих слов идут многоточия, которые отражают в элегии пушкинскую невысказанную тоску и боль, которую он не может передать словами и какую можно связать с тем, что она не одна. Читатель сам может сделать выводы, и этим выводам помогают слова: «Но если...» Здесь чувствуются переживания героя, его покой нарушен. Повторение в тексте слова «одна» усиливает тревогу. Этому способствует и описание природы. Луна наводит «мрачную тоску». И в этой тоске герой хочет видеть свою возлюбленную одинокую и страдающую. Осложнение времени в стихотворении: настоящий момент сложно сочетается с прошлым - ещё больше подчёркивает эмоциональную напряжённость.

О драматической окрашенности состояния, описанного в элегии, можно судить по тому, что писал Пушкин из Михайловского В. Ф. Вяземскому: «Всё, что напоминает мне море, наводит на меня грусть, журчание источника вызывает у меня буквально боль, при виде ясного неба, кажется я заплачу от бешенства» (1828 г.).

Язык произведения помогает глубже понять переживания героев. Эпитеты «ненастный», «свинцовый», «мрачный», «вечерний», «роскошный», «голубой», «белоснежный» помогают глубже понять состояние героя. Здесь присутствует и традиционная поэтизация, выраженная словами «перси, уста, брега». И если женский образ неконкретный, всё же легко связать картину стихотворения с общими условиями реальной ссылки Пушкина в Михайловское и на юг.

2. «Мадонна»

Среди пушкинских произведений более позднего периода можно встретить такие, которые, как и в его ювенальном периоде, нельзя безоговорочно соотнести ни с одной из категорий. К ним относится стихотворение «Мадонна» (1830 г.):

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал мою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моём, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель -

Она с величием, он с разумом в очах -
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец. I -568

По определению многих исследователей Пушкина, за этим описанием находится реальное лицо, каким была будущая жена поэта, Наталья Гончарова.

Содержание стихотворения не заставляет читателя задуматься, здесь всё просто, чётко и ясно. Поэт ведёт рассказ от своего лица. Он хочет украсить свою «обитель» одной картиной, которая своей красотой должна удивлять посетителей. И только этой картиной поэт хочет наслаждаться: «...желал быть вечно зритель...». Образ этой предполагаемой картины должен быть похож на Пречистую, которая держит в руках Спасителя. Пушкин подчёркивает, что только они «одни, без ангелов» должны быть на картине. Заключение стихотворения - это исполнение желаний поэта. Творец послал ему Мадонну «чистейшей прелести чистейший образец». Поэт идеализирует женский образ, сравнивая его с образом божества. Он не рисует предмет своей любви, но этот предмет («Ты») воплощается в идеальной картине. Оба объекта, «Ты» и «картина», объединяет исключительность. Обожествляя женский образ, говоря об его исключительности, Пушкин использует оксиморонические образы («...Пречистая и наш божественный Спаситель - Она с величием, он с разумом в очах - Взирали, кроткие, во славе и в лучах...») и, рисуя земной образ, он, как представитель романтизма, наделяет его сверхъестественными чертами.

Эта картина одна, она исключительна не только потому, что она противопоставляется множеству картин. У этой картины только один зритель и может быть один посетитель, а не многочисленные знатоки и посетители. Знатоки, которые любуются картинами, всегда ищут красоты. Некоторым из них удаётся склонить к любви «стыдливую красоту», но Пушкин, подчёркивая чистоту Мадонны, исключает возможность измены.

«Картина» и «Ты» сходны и исключительны ещё по происхождению: «чтоб на меня, как с облаков, пречистая и наш божественный Спаситель взирали» и «Творец Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна», т.е. «Ты» - это изображение, но уже в более земном виде. Исключительность «Ты» подчёркивается и тавтологическим оборотом «Чистейшей прелести чистейший образец».

Именно этот «чистейший образец» хотел видеть бывший Дон Жуан и ловелас Пушкин для своего брачного ложа, поэтому он, имея в виду под образом Мадонны жену, наделяет её сверхъестественными, божественными чертами, одухотворяет её. В этой чистоте поэт как бы находит своё спасение.

Язык стихотворения, которое по форме представляет собой сонет, приближён к прозе. Здесь нет той условности, с которой мы встречались в ранней любовной лирике поэта, незначительно и количество тропов. Обороты речи группируются вокруг образа Мадонны, как воплощения духовной ценности. Этому способствует традиционная христианская символика, используя которую поэт описывает свой, весьма определённый и

сложившийся идеал для женитьбы. Пушкин хотел жениться, чтобы узнать счастье. Красота, молодость, свежесть, душевная нетронутость казались ему непременными для того условиями.

Можно увидеть сходство между стихотворением «К живописцу» (1815 г.), и стихотворением «Мадонна». В первом присутствует мечта, описание любимой и восхищение ею, но образ любимой передан через условные образы Гебеи и Венеры. Молодой Пушкин нарисовал образ полуматериальный, полудуховный. Друг его сердца обладал «красотой невинности небесной», т.е. незримой красотой, восходящей к божественным образцам. И в тоже время, поэт просил Живописца набросить покрывала на «трепетную грудь», в чём проступали чисто человеческие черты. Это и явилось слиянием духовного и материального. Любовался предметом любви не автор, а его условный герой. Условность была передана и через язык произведения.

Образ пушкинской Мадонны идеализирован и одухотворён. Чувство, выраженное к Мадонне, подчёркнуто духовное. И, если в стихотворении «К живописцу» есть эротика, то здесь только любование «чистейшим образцом». Можно утверждать, что любуется Мадонной не условный герой, а сам автор. Здесь уже не мечта, не загадка, а существующий образ. Голос поэта звучит смело.

В пору 30 - х годов Пушкин пишет немного стихотворений, но они мастерски написаны. Каждое его произведение можно связать с жизнью поэта. Некоторые из них были написаны о страстной любви. К таким относится

стихотворение «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» (1830 г.), прообразом которого была жена поэта Наталья Гончарова.

3. «Нет я не дорожу мятежным наслажденьем...»

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змеей,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

О, как милее ты, смиренница моя,
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моленья,
Ты предаёшься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И разгораешься потом всё боле, боле -
И делишь наконец мой пламень поневоле. I-563

В зрелом возрасте Пушкин пересматривает своё отношение к женщине. Уже не вакханка, страстная и нетерпеливая, покоряет поэта, а смиренница. Он преклоняется перед женской скромностью. В ранних произведениях поэтическое Я мечтает

о таинстве ночей, о страсти, о физической близости, о радости немой («К ней», 1815 г.), он то зовёт любовь, то гонит её. Здесь мы уже слышим зрелый мужской голос, испытавший силу любви, умеющий разобраться в своих чувствах.

Определения поэта точны, язык выразителен, слово таит множество оттенков и вместе с тем предельно точно и ясно. Как и в предыдущем стихотворении, здесь мало тропов, стихи приближаются к «прозаической простоте». Читая строки этого стихотворения перед читателем возникает то образ вакханки, не стесняющейся стенаний, криков, дарящей пылкие ласки своему любовнику, то образ смиренницы, которая заставляет страдать любовника, но, всё равно делящей пламень любви.

Пушкин настолько метко определяет каждое движение, каждый порыв, что можно услышать шёпот и крик, увидеть бесстыдную вакханку и нежную скромницу. Сравнение, которым пользуется поэт помогает представить картину страстной любви с вакханкой. Движения её он сравнивает со змеёй - «...виясь в моих объятиях змеёй»: чувствуется динамика и быстрота её движений; нетерпеливость: «стенания, крики, пылкие ласки, лобзания».

Описывая смиренницу, поэт говорит о своём счастье, не смотря на то, что в начале она предаётся любви без упоения, но постепенно пламень любви захватывает и её. Очевидно, что это мучительное, недоступное счастье превышает то, что он испытал в объятиях опытной, легко отдающейся, жрицы любви.

От любви материальной Пушкин идёт к любви духовной, которую он считает выше по достоинству.

Идеал будущей жены, нарисованный поэтом в стихотворении «Мадонна», созвучен в какой-то степени с образом «смиренницы». Пушкин любил тип светской женщины, как поэт и художник. Но в образе Натальи Гончаровой он хотел видеть прежде всего «чистейшей прелести чистейший образец». Он обожествлял и идеализировал образ будущей супруги. П. Губер в работе «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина» писал:

> «Но он, кажется, не подозревал, что этот тип осуществляеся лишь постоянным усилием искусства, очень утончённого и гибкого, способного доставить знатоку не меньше рафинированных наслаждений, нежели живопись, музыка или театр, к которому искусство это стоит всего ближе. Но, бывая в театре, лучше оставаться в зрительном зале и не заглядывать за кулисы. Иначе иллюзия исчезнет». (12)-229

4. «Я помню чудное мгновенье...»

Одним из произведений позднего периода, заслуживающих внимания, было и навсегда останется стихотворение «К...» (1825 г.).

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье.
И для него настали вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Всё стихотворение - это воспоминание поэта о «чудном мгновении», когда поэтическое ТЫ появилось в прошлом. Но шли годы, и поэт забыл обоятельную женщину. И вот наступила минута «пробуждения», и «гений чистой красоты» вновь является поэту.

Пушкин назвал стихотворение «К...», этим самым дав понять, что ТЫ, которое расшифровывается в стихотворении, обращено к живой женщине, а не к божеству или музе. И образ, который явился адресатом, дал поэту возможность написать именно в этой манере.

Стихотворение начинается утверждением, сделанным Пушкиным в настоящем времени о появлении ТЫ, - «мимолётное виденье, гений чистой красоты». Настоящее время («Я помню») сложно сочитается с прошлым, с тем, что явилось и мгновенно прошло. Семантические связи подчёркиваются рифмами «ты - красоты», «мгновенье - виденье».

Вторая строфа отражает состояние поэта после отдаления ТЫ. Пушкин даёт характеристику голоса женщины и её «милых черт», которые при её физическом отсутствии, всё ещё остаются с ним, как противоположность той среде, в которой он вращался. Эти строки указывают на безнадежную боль. Материальный образ исчезает, но «голос нежный» ещё долго звучал и «снились милые черты».

Третья строфа излагает хронологический порядок событий: шли годы и под воздействием времени забывались и «нежный голос», и «небесные черты», которые здесь уже

возведены к небесным чертам, что является признаком подчёркнутой духовной ценности.

Четвёртая строфа описывает безнадёжное состояние поэта в глуши мрачного заточения, т.е. подразумевается ссылка поэта. Мрак противопоставляется яркости пережитого видения, медлительность тянущихся дней противопоставляется быстроте мелькнувшего видения. Лишение духовных ценностей - «божество», «вдохновенье», «слёзы», «любовь» и сама «жизнь» подчёркиваются пятикратным повторением.

Пятая строфа представляет резкий контраст с предыдущей, это пробуждение души поэта, связанное с появлением ТЫ, т.е. с повторением многого из первой строфы. Рифмические и семантические связи остаются, но связь «пробуждения» с «видением» подчёркивается новой рифмой.

Шестая строфа - это воскрешение души поэта, появление жизни, любви, слёз, связанных с появлением ТЫ. В произведении она (эта строфа) является продолжением контраста по отношению к четвёртой строфе. Всё, что исчезло, вернулось. Прошедшее и настоящее ещё крепче соединены в развивающемся, длящемся процессе, который, пока длится, является победой над временем.

Заканчивается стихотворение экстазом:

И сердце бьётся в упоенье.—
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Эти строки указывают на сильное чувство любви, которым охвачен поэт, но любви духовной: «сердце бьётся в упоенье», «божество» воскресло и появилось «вдохновенье». Воскрешение души поэта показано через возрастающее повторение гласного И. Слёзы - это не слёзы печали, а радость и освобождение, воскрешение к жизни, проявленные в сочинении стихов. Жизнь - это сердцебиение и слёзы. Воскрешение поэтического сердца связано с вдохновением, с пробуждением его души от воздействия силы красоты. Отсутствие этой силы или такого образа смертельно для души поэта.

Из анализа содержания стихотворения чётко видно, что лицо, к которому направлены эти строки, её черты и голос возведены к духовному идеалу.

Стихотворение построено так, что читатель чувствует в нем сначала выражение красоты «...как мимолётное виденье, как гений чистой красоты». Затем идеальные (божественные) черты: «голос нежный», «твои небесные черты», «без божества». И выражение любви, без которой поэт не мыслит жизни.

«Гений чистой красоты» - это видение поэта и в то же время облик реальной женщины, запечатлевшийся в его памяти, пронесённый им через долгие годы жизненных бурь и волнений. Потому так чисты эпитеты, рисующие «гения чистой красоты»: «голос нежный», «милые черты», «небесные черты». Эпитет «небесные» подчёркивает неземное, поэтическое начало.

Эпитеты «чудный», «мимолётный», «чистый», «небесный» указывают на появление незаурядного лица или гения. Метафорическое выражение «как мимолётное виденье» подчёркивает особенности этого существа, лишённого реальности. «Милые черты», в отличии от «небесных», выражают реальную женскую красоту и больше содержит земного, интимного.

Стихотворение «К...» выражает сложное чувство: восхищение красотой, любовь и поэтическое вдохновение.

Стихотворение связано с реальным образом А. П. Керн. Оно является подчёркнуто идеализированным преображением физической близости поэта с этой женщиной. Об этих отношениях Пушкин писал в письме к А. Н. Вульфу 7 мая 1826 года: «... что делает вавилонская блудница Ан(на) Петр(овна)?» и в письме к С. А. Соболевскому: «Ты мне ничего не пишешь о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь о M-de Kern, которую с помощию божией я на днях (...)». (Конец марта 1828 года). VI -154; 185.

Разница между действительностью и поэтическим воплощением служит трезвым предостережением против утверждения сугубо тесных связей литературного искусства с биографией поэта.

5. «Безумных лет угасшее веселье...»

Среди произведений позднего периода есть и такие, в которых поэт рассуждает о любви, о своей жизни, об

испытанных чувствах. Одним из таких произведений является элегия «Безумных лет угасшее веселье» (1830 г.):

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино - печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть - на мой закат печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной. I-572

Эта «Элегия» рассуждение о жизни, о её радостях и горестях и о надеждах. По содержанию её можно разделить на две части. Первая часть повествует об угасшем веселье, о печали, связанной с прошедшей молодостью, и о беспокойном будущем. «Но» - это начало второй части, которая противопоставлена первой. Поэт не хочет умирать, он хочет жить, он хочет страдать, он верит в любовь, которую ещё надеется испытать на закате жизни. Веселье, испытанное в

жизни, Пушкин сравнивает с похмельем, а печаль минувших дней со старым крепким вином. Пробуждение от веселья, от безумства - состояние, от которого кружится голова и человек себя плохо чувствует, состояние смутной неприятности, которое слабеет. Оно заменяется печалью, которая со временем становится всё сильнее. Господство печали над весёлостью соответствует и порядку вещей, и даже общему положению в ювенальный период, но печаль, всё ещё являясь доминантой, уступает другим чувствам, связанным с поэзией (гармонией), творчеством (вымыслом) и, в самой сильной, завершающей позицией, любвью. Ещё раз мы видим, что она трактуется как одна из высших духовных ценностей.

Жизнь для поэта - это море, которое сулит ему только труд и горе, но несмотря на предчувствия горя и неизбежного конца, Пушкин хочет жить и любить. Поэт не представляет себе жизни без любви. Он не гонит любовь, не называет её «отравой», а наоборот ждёт прихода её. В этом стихотворении Пушкин довольно спокойно рассуждает о прошлом, хотя здесь присутствует драматический элемент, который усиливается союзом «но». На драматизм элегии указывают эпитеты «безумный», «грядущий», «смутный», «волнуемый», «печальный, «прощальный»» и повторяющийся звук «У», который Пушкин обильно использует в каждой строфе.

Следуя по этапам пушкинской поэзии, можно ясно увидеть отличие его ранней любовной лирики от его произведений 30-х годов. Уже не слова, взаимствованные из

прочитанных книг использует поэт, не образы, внушенные литературой доминируют здесь. Выработался собственный язык, чёткий и ясный.

Резко сократился объём стиха. На смену длинным стихотворениям пришли более сжатые, короткие. В этот период Пушкин обращается к сонету.

Условное поэтическое Я, с которым встречался читатель в ранних любовных произведениях, уступил место чувствам и переживаниям самого автора. За каждым его произведением стоит явление, которе было пережито самим Пушкиным. Но тогда возникает вопрос: Реализм ли это? Нет. Пушкин уходит от шаблонов, чтобы избавиться от штампов, существовавших в поэзии. Отказ от штампов можно увидеть в использовании тропов. Этого он достиг относительной простотой своего стиха, отказом от условности и усиливанием лирического начала. Всё это признаки зрелой лирики поэта.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные 17 стихотворений раннего периода и 5 стихотворений периода 20-30-х годов, дают основание сделать некоторые выводы.

Ранняя любовная лирика Пушкина вначале шла вслед за Державиным, Батюшковым и Жуковским. Молодой поэт использовал язык своих предшественников, и эпитеты, и тропы, использованные им в произведениях этого периода, были данью поэтической традиции классицизма, сентиментализма и раннего романтизма, или, говоря другими словами, служили поэтизации стихотворений. Семантика отдельных произведений поэта тесно связана с символикой и практикой эпохи.

Пушкин в этот период шёл не столько от жизни, сколько от условно-поэтического восприятия действительности. Поэтому в его ранних любовных произведениях столько эмблем. Его лирика условна, свои мысли и чувства поэт передал прежде всего через условного героя.

Следуя по этапам пушкинской любовной лирики можно было убедиться, что поэт в более поздний период творчества работал над созданием своего собственного языка. Исчезли символы и образы, питавшие его раннюю любовную лирику. В этот период у Пушкина выработался собственный язык. Тропов становится меньше и, когда они употребляются, то скорее являются своеобразными, чем трафаретными. Резко сокращается

объём его стихотворений. Пушкин этого периода обращается к сонету. Голос Пушкина звучал уверенно.

Следуя за этапами любовной лирики поэта, можно сказать, что его любовные произведения позднего периода достигли своей вершины. В эти годы Пушкин написал немного стихов, но они лаконичны и совершенны. За произведениями рассмотренными в этой работе «Мадонна» и «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...», стоят реальные образы или события из жизни поэта, которые способствовали созданию этого образа.

Духовное чувство в его произведениях возвышается над материальным. В рассмотренных стихотворениях более позднего периода этот факт обращает на себя внимание. Стихотворения «Мадонна», «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...», «Я помню чудное мгновение», «Безумных лет угасшее веселье...» подчёркивают духовную ценность любви.

Из выводов, сделанных после наблюдений над любвной лирикой Пушкина, становится понятным, что изучение ранней любовной лирики поэта важно для понимания любовной лирики более поздних периодов. Ранняя любовная лирика служит необходимым фоном для выявления зрелого мастерства в его позднейшей любовной лирике.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Все цитаты, взятые из работ пушкиноведов, обозначены арабской цифрой со знаком ( ) (для II-ого раздела) и для III-его раздела - арабской цифрой и знаком (*), относящимся к автору, указанному в разделах «Библиографии» - «Работы о Пушкине».

2. Каролина Собаньская - знакомая Пушкина, бывшая любовница А. Мицкевича

3. Тема любви прошла красной нитью через такие произведения как **поэмы** «Руслан и Людмила» (1820 г.) «Цыгане» (1824 г.), «Полтава» (1828 г.), «Медный всадник» (1833 г.); **роман** в стихах «Евгений Онегин» (1823 - 1830 гг.); **трагедия** «Борис Годунов» (1825 г.); в **прозе** эта тема нашла своё отражение в **повестях** «Записки Белкина» (1830 г.) и «Капитанская дочка» (1836 г.).

4. О влиянии поэтов французского классицизма на Пушкина писала Анна Ахматова в стихотворении «В Царском селе» (1911 г.):

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрёпанный том Парни.

5. В работе использовано «Полное собрание сочинений А. С. Пушкина» в шести томах Издания А. Н. СССР под редакцией М. А. Цявловского, выпущенное к столетию со дня гибели поэта (1936 г.). При цитировании произведений Пушкина римская цифра указывает на том, арабская - на страницу.

6. На количество стихотворений указал А. Гессен в работе «Рифма, звучная подруга...» стр.33.

7. Список адресатов любовной лирики Пушкина можно найти в работах Е. В. Музы «Адресаты любовной лирики Пушкина», П. К. Губера «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина» и в работе Л. М. Сухотина «Любовь в русской лирике XIX века».

БИБЛИОГРАФИЯ.

I. **Работы Пушкина.** «Полное собрание сочинений в 6-ти томах». Издание АН СССР, 1936 г.

II. **Работы о Пушкине.**

(1). Альтман, М. С. «Из наблюдений над поэтикой Пушкина». Журнал «Русская литература», Ленинград, номер 3, стр. 196-99, 1974 г., 1949 г.

(2). Благой, Д. Д. «Мастерство Пушкина», Москва, стр. 315, 1949 г.

(3). Брюсов, В. Я. «Полное собрание сочинений», том 7, Москва, «Художественная Литература», стр. 61-113, 1975 г.

(4). Vickeri, Walter N. «Ja vas ljubil...» A literari Source», (International Journal of Slavic Linquistics and Poetics), 160-167, IJSLP 15 (1972).

(5). Гессен, А. «Рифма, звучная подруга», Москва. «Наука», стр. 16-33, 1963 г.

(6). Голуб, И. Б. «О звукописи произведений А. С. Пушкина», Журнал «Русская речь», #2, стр. 25-31, 1974 г.

(7). Городецкий, Б. Г. «Лирика Пушкина», Ленинград, «Просвещение», стр. 1-3; 15-127ш 1974 г.

(8). Городецкий, Б. Г. Статья «Поэзия действительности», в кн. «Русские лирики», «Историко - литературные очерки», стр. 69-97, Издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1974 г.

(9). Гофман, М. Л. «Пушкин - Дон Жуан», Издание Сергея Лифаря, Париж, 1935 г.

(10). Григорьян, К. Н. Ст. «Об эволюции пушкинской элегии», Журнал «Вопросы русской литературы», #1, стр. 3-13, 1974 г.

(11). Гришман, М. М. Ст. «Три чудных мгновенья», «Русская речь», #1, стр. 11-18, 1969 г.

(12). Губер, П. «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина», Издательство ЛЕВ, 1979 г.

(13). Гуревич, А. Ст. «Проблемы нравственного идеала в лирике Пушкина». Журнал «Вопросы литературы», #9, стр. 259-266, 1969 г.

(14). Жолковский, А. К. Ст. «Разбор стихотворения Пушкина «Я вас любил...», Серия «Литература и язык», Москва, Издание А. Н. СССР, стр. 252-263, 1977 г.

(15). Ильинская, И.С. Ст. «Безумных лет угасшее веселье...», Журнал «Русская речь», #4, стр.43-56, 1974 г.

(16). Ионова, И. А. Ст. «Хранитель, гений мой...»: О языке стихотворения А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье», Журнал «Русский язык в школе», #2, стр. 77-80, 1983 г.

(17). Кравцов, Н. И. Ст. «Образец романтической любовной лирики («Талисман») А. С. Пушкина», Журнал «Русская литература» #5, 1974 г.

(18). Муза, Е. Б. «Адресаты лирики Пушкина», Москва, «Советская Россия», стр. 3-10, 1970 г.

(19). Плотникова, В. Статья «Безумных лет угасшее веселье...», Журнал «Русская речь», #4, стр.43-48, 1974 г.

(20). Прудоминский, В. и Эйдельман, Н. Статья «Болдинская осень», Журнал «Знание - сила», #1, 1974 г.

(21). Степанов, Н. Л. «Лирика Пушкина: Очерки и этюды», Москва, «Художественная Литература», стр. 93-119, 233-265, 1974 г.

(22). Сухотин, Л. М. «Любовь в русской лирике XIX в.», Белград, стр. 17-33, 1927 г.

(23). Фарино, Ежи Ст. «Любовная лирика Пушкина: Семиотический этюд», «Русская литература», #6, 1974 г.

(24). Фомичёв, С. А. Ст. «О лирике Пушкина», Журнал «Русская литература», #17, стр. 43-53, 1974 г.

(25). Фридлендер, Г. М. Статья «Безумных лет угасшее веселье...», Сборник «Поэтический строй русской лирики», Ленинград, 1973 г.

(26). Фризман, Л. Г. «Жизнь лирического жанра», Москва, 1973 г.

(27). Шау, Томас (Shaw, J. Thomas) «Theme and Imagery in Pus(h)kin's «Ja pomnju c(h)udnoe mgnoven'e»», SEEJ 14: 135-44, 1970.

III. Вспомогательные работы

(1'). Виноградов, В. В. «О языке художественной прозы». Избранные труды, Москва, Издательство «Наука», 1980 г., стр. 341-342.

(2'). Квятковский, А. «Поэтический словарь», Издательство «Советская энциклопедия», Москва, 1966 г.

(3'). Тимофеев, «Теория русской литературы», Москва, 1949 г., стр. 350.

(4'). Тынянов, Ю. «Проблема стихотворного языка». Stanford University, Mouton & Co., The Hague, 1963 г.

(5'). Щервинский, С. В. «Ритм и смысл», Москва, А. Н. СССР, 1961 г.